

Кайркелды Руспаев

*Горький
аромат
фиалок*

Роман. Том первый

Кайркелды Руспаев

**Горький аромат фиалок.
Роман. Том первый**

«Издательские решения»

Руспаев К.

Горький аромат фиалок. Роман. Том первый / К. Руспаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837521-7

Главные герои моего романа оказались перед выбором — продолжать жить по тем принципам, которые исповедовали всю предыдущую жизнь, или изменить им, чтобы приспособиться к изменившимся условиям. Как поступил каждый из них и что из этого вышло — об этом и повествует эта книга.

ISBN 978-5-44-837521-7

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Красно-жёлтые дни	6
1	6
2	12
3	15
4	20
5	23
6	27
7	33
8	36
9	41
10	44
11	49
12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Горький аромат фиалок
Роман. Том первый
Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7521-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красно-жёлтые дни

*«И растаяли где-то мечты, как дым сигареты
И друзья после нескольких бурь оказались на дне...»*

И. Тальков.

1

Непредсказуемость следующего мига – вот, пожалуй, самое существенное из всего, что принадлежит этому миру. Заманжол Ахметович Енсеев, учитель биологии школы номер два, не предполагал, сидя у себя перед телевизором, что в следующую секунду произойдет то, что круто изменит его более-менее устоявшуюся жизнь. Он вполуха слушал диктора службы новостей, занятый мыслями о скором начале учебного года.

«Сегодня, в зале ожидания железнодорожного вокзала обнаружена девушка шестнадцати-семнадцати лет в невменяемом состоянии. Она лежала на скамье и никак не отреагировала на обращение дежурного полицейского. Попытки привести ее в чувство не возымели действия. В результате была вызвана бригада „скорой помощи“, которая и доставила потерпевшую в психоневрологическую клинику доктора Парфенова».

Заманжол уловил последнюю фразу сообщения и сосредоточил внимание на экран телевизора.

«У пострадавшей нет никаких документов. Полиция при активном содействии сотрудников вокзала пытается установить ее личность, узнать, собиралась ли она покинуть наш город или прибыла сюда одним из поездов. Просим откликнуться тех, кто знает эту девушку, или тех, кто видел, как она попала в здание вокзала. Может быть, кто-то сопровождал ее или помог сойти с поезда и пройти в зал ожидания? Если вам известно хоть что-нибудь об этой девушке, просим позвонить по следующим контактными телефонам...»

На экране появилось изображение пострадавшей. Расслабленно полулежавший в кресле Заманжол резко выпрямился и, подавшись всем корпусом к телевизору, выдохнул:

– Алтынай?!

Балжан, его жена, сидевшая рядом в другом кресле, слегка повернула к нему свое лицо, не отрывая, однако, глаз от телевизора.

– Что? Ты что-то сказал?

Заманжол отмахнулся от нее нервным жестом. Теперь она более внимательно оглядела напряженную фигуру мужа. Тот весь ушел в созерцание потерпевшей, взятой оператором крупным планом. Девушка, с бледным лицом в обрамлении пышных волос, лежала на носилках, безучастно уставившись в пространство.

Кадр сменился, и в телевизоре возникла следующая картинка – кабинет Парфенова и сам врач в белом халате, сидящий за письменным столом.

– Михаил Федорович, что вы можете сказать о своей новой пациентке? – задал вопрос корреспондент городского телеканала.

– Сейчас еще рано делать какие-либо выводы, – отвечал доктор Парфенов, – Предварительное обследование показало, что организм девушки функционирует нормально. Никаких травм или повреждений на теле нет. Кровяное давление в норме, желудочно-кишечный тракт работает исправно. Поставлен рабочий диагноз – неопределенное расстройство центральной нервной системы. Признаюсь, я впервые в своей практике столкнулся с таким видом нервного расстройства. Кажется, что девушка спит с открытыми глазами, настолько в них отсутствует смысл. Только раз после поступления к нам она выразила некоторое беспокойство, но как

только ее покормили, успокоилась и заснула. Причем, она не умеет жевать пищу, поэтому я распорядился о назначении жидких питательных смесей.

– Значит, она как бы парализована? – предположил корреспондент.

– О нет, – возразил врач, – Пациентка наша двигает конечностями и вертит головой. Но движения эти беспорядочны, бесцельны, как у новорожденного ребенка. Временами она издает нечленораздельные звуки, схожие с агуканием младенца. Но при этом она абсолютно беспомощна, неспособна даже повернуться на бок.

– Ясно, – корреспондент кивнул и задал очередной вопрос, – Что вы собираетесь предпринять?

– Мы проведем углубленное обследование пациентки, проконсультируемся с коллегами из других клиник. Может быть, потребуется собрать авторитетный консилиум, чтобы дать точное заключение. Нам необходима информация о прошлом этой девушки; не помешало бы узнать, что ввергло ее в такое состояние. Нужно установить контакт с ее родными, врачами, которые, возможно, лечили ее раньше или обследовали. Не исключено, что девушка эта страдает каким-то периодически обостряющимся недугом и, может быть, состоит на спецучете – мы это проверим.

– Понятно, – корреспондент удовлетворился ответами врача и задал последний вопрос, – Михаил Федорович, вы хотите что-нибудь сказать нашим телезрителям?

Парфенов повернул лицо к камере, и Заманжол вздрогнул, встретившись с его взглядом. Врач произнес следующие слова так, словно адресовал их лично ему:

– Я прошу тех, кто знаком с нашей пациенткой, позвонить мне по телефону 28—10-57. Буду рад любой информации.

И вновь на экране возникло изображение девушки, так взволновавшей Заманжолу. Она лежала теперь на больничной койке и спала. Ее уже постригли коротко и одели в больничную одежду. Заманжолу окатила волна пронзительной жалости к этой незнакомке с таким знакомым лицом, и он невольно вздохнул.

«Алтынай... вылитая Алтынай», – прошептал он, не отрывая глаз от бледного лица спящей девушки.

Новости закончились, и Балжан, смерив мужа подозрительным взглядом, ушла на кухню собирать на стол. Заманжол порывисто встал, двинулся к телефону, зацепил ногой журнальный столик, едва не уронив стоявшую на нем фарфоровую вазу с искусственным букетом. Ваза покачалась, покачалась и устояла, к своему счастью, так как хозяин дома и не подумал удержать ее, хотя и имел такую возможность – он просто не заметил ничего. Заманжол начал набирать номер телефона, продиктованный доктором Парфеновым, но оказалось, что не запомнил две последние цифры. Он обернулся к телевизору, шепча: «Шестьдесят семь? Семьдесят семь?», словно прося подсказки, но там уже шло увлекательное повествование о «крылышках, надежно крепящих прокладку к вашему белью». Держа трубку телефона одной рукой, провел пятерней другой руки ото лба к макушке, ероша свои короткие, с редкой проседью, волосы. Но и это не помогло – он так и не смог вспомнить номер телефона клиники. Положив трубку на аппарат, постоял в задумчивости и вновь вернулся к креслу.

Балжан была довольно озадачена, заглянув в комнату спустя некоторое время – муж смотрел сериал, который раньше терпеть не мог.

– Эй, что это с тобой? – поинтересовалась она. Но Заманжол никак не отреагировал.

Тогда она подошла и хлопнула его по плечу, – он вздрогнул и непонимающе уставился на нее.

– Ты чего?!

– Нет, это *ты* чего?! – Балжан испытующе смотрела в его глаза, – Что с тобой? Это из-за той девушки? Да? Ты ее знаешь?

Заманжол нахмурился. Видно было, что он затрудняется с ответом. Балжан ждала, подперев кулачками бока. Заманжол облизнул пересохшие губы и неуверенно произнес, запинаясь:

- Н-нет... я не знаю... я хотел сказать... нет, я ее не знаю... так, просто похожа.
- Похожа? На кого?
- Да так... ты ее не знаешь.

Заманжол замолчал и отвел глаза. Балжан постояла немного, постояла, потом дернула головой и направилась к кухне, бросив через плечо:

- Пошли ужинать!
- Потом позвала дочь, возившуюся в детской:
- Амина, идем кушать!

Заманжол вяло хлебал суп. С него никак не могла сойти задумчивость, причиной которой, очевидно, была пострадавшая из теленовостей. Балжан думала именно так, но молчала, бросая на него быстрые взгляды из-под своих красиво изогнутых ресниц. Амина не замечала настроения отца и мило щебетала, рассказывая о каком-то забавном случае, свидетельницей которого она стала днем.

Заманжол не слушал ее. Пациентка доктора Парфенова явилась вестницей из далекой юности, и теперь события, казалось бы, давно забытые, совершенно похороненные под толщей лет, начали раскручиваться лентой кино перед его мысленным взором. Нынешняя жизнь отодвинулась на задний план, и машинально поднося ко рту, то хлеб, то ложку, он вновь переживал события далекого прошлого. Этот вечер начала века остался позади, вернее, оказался впереди, в то время, как Заманжол всем своим существом перенесся в то роковое лето, в тот злополучный пионерский лагерь, где он и познакомился с Алтынай.

Балжан все же решила вернуть мужа к действительности и приступила к постоянно-актуальному разговору – об отношениях Заманжол и Дарьи Захаровны, директора их школы номер два.

- Надеюсь, в этом году ты будешь немного аккуратнее с Дарьей Захаровной, – сказала она.
- Что? – как бы очнулся Заманжол.
- Ты определенно в прострации!

Балжан бросила свою ложку на стол с такой силой, что Амина вздрогнула и осеклась на полуслове.

– Проснись! Чем тебя поразили сегодняшние новости? Или ты все же знаешь эту девушку?

- Нет! Я же сказал уже, что нет!
- Объясни тогда, почему ты вдруг стал такой... – Балжан замолчала, не найдя подходящего слова.
- Какой?
- Ну, молчишь, думаешь о чем-то, не слушаешь меня. Ты имеешь какое-то отношение к ней?

– Какое отношение я могу иметь! Просто жаль девушку... такая юная... и, вот...
– А чего ее жалеть! Маялась, небось, дурью от нечего делать, вот и домаялась.
– Что ты хочешь сказать?
– Наркоманка она, вот что! Разве не ясно?
– Все-то ты знаешь, все всегда тебе ясно! – сердито бросил Заманжол и, резко отодвинув прошкарывавший по полу стул, встал, и сопровождаемый недоброжелательным взглядом жены, покинул кухню. Он отправился напрямик в спальню, где разделся и лег на заранее застеленную кровать.

Балжан убрала со стола и, уложив дочку, прилегла на диван – просматривать сериалы. А Заманжол долго лежал без сна, ворочался с боку на бок, вновь и вновь возвращаясь к собы-

тиям, произошедшим когда-то в райском уголке природы, превратившемся потом для него в сущий ад.

После службы в армии, где Заманжол обрел двух своих друзей – Бекхана и Владимира, он поступил в пединститут. Заманжол имел абсолютный слух и очень хорошо, можно сказать, виртуозно играл на домбре и гитаре. Он всегда участвовал в концертах и смотрах художественной самодеятельности. Когда в ауле организовали вокально-инструментальный ансамбль, Заманжол солировал в нем на гитаре. Учителя, родители и друзья советовали поступить в консерваторию, они были уверены – из него выйдет выдающийся музыкант. Но он «зарыл» свой талант, став учителем.

А все потому, что любил детей. И он никогда не делил их на своих и чужих. Заманжол осознанно выбрал свою профессию и ни разу после не пожалел об этом, хотя работа учителя наряду с радостями приносит и огорчения.

Женился Заманжол на городской девушке, своей сокурснице, красавице Балжан, о которой, пожалуй, мечтал каждый студент их института. Они очень любили друг друга в первое время. Все у них было хорошо; только одна беда омрачала первые годы их супружества, – Балжан не могла забеременеть. Причина банальна – ранний аборт. Еще до поступления в институт Балжан влюбилась без ума в парня, который исчез из ее жизни, как только узнал, что она забеременела.

Заманжол стойко переносил эту беду, переводил в шутки колкости, которыми бесцеремонные аульские остряки доставали его; щадя нервы Балжан, не пытался опровергнуть мнение односельчан, считавших его импотентом или мужчиной с негодным семенем. Он был настолько снисходителен к людям, что прощал им и бестактности, и откровенные насмешки. Но многие принимали это его качество за слабость. И Балжан упрекала его в слабохарактерности, в неспособности дать отпор насмешникам. Но Заманжол был выше всех этих остряков и не хотел опускаться до ссор и свар. Да и что он мог сделать с ними? Не будешь же драться с каждым болтуном или сплетницей!

А характер у него был. Да еще какой! Он всегда говорил в глаза все, что думал, невзирая на чины и лица. Отчего и невзлюбили его начальники и некоторые коллеги.

Балжан лечилась от бесплодия, обращалась к знахарям и целителям и, наконец, забеременела. И сразу же по аулу распространился отвратительный слух – якобы Балжан пришлось прибегнуть к услугам другого мужчины. Даже называли вероятного «осеменатора», сотрудника облоно, в одно время зачавшего в их аул. Сотрудник тот был однокашником Заманжолы и Балжан, поэтому всегда останавливался у них. Эти сплетни омрачили радость от рождения дочери, но и тогда Заманжол сохранял спокойствие, придерживаясь поговорки «На чужой роток не накинешь платок». Чего не скажешь о Балжан – она зря трепала нервы себе и ему, пытаясь оправдаться, устраивая ненужные истерики.

Амина подросла, и всем стало ясно, кто ее отец. Она была – «вылитая папа». Но свое черное дело сплетни все же сделали – между Заманжолом и Балжан наметилась трещина, которая увеличивалась с течением времени. Возникающее между ними напряжение, а они оба знали, о чем судачили аульские сплетницы и сплетники, стало привычкой, хотя причин вроде и не было – Заманжол ни словом, ни полусловом не то что не упрекнул жену, но даже не обмолвился о предмете тех сплетен. А ведь он знал о том, что их бывший однокашник, сотрудник облоно, был влюблен в Балжан во времена их студенчества.

Когда грянул кризис, и по школам прокатилась волна сокращений, первым сокращенным оказался Заманжол Енсеев, хотя так, как его, ученики не уважали ни одного учителя. А все потому, что директор школы воспользовался удобным поводом, чтобы избавиться от неумного и требовательного учителя, проявлявшего принципиальность, особенно, когда дело касалось учеников, их интересов, их достоинства. Заманжол Ахметович не мог пройти мимо,

когда унижали детей, почему и нажил недоброжелателей среди коллег, которые и не подумали вступить за него. Наоборот, многие очень позлорадствовали, когда узнали, что сокращают именно его.

Енсеевы перебрались в город. Благодаря своей школьной подруге Боте, работавшей завучем, Балжан устроилась сама и устроила мужа в самую престижную школу города. Они сумели купить благоустроенную квартиру в не совсем еще старом доме. Один из бывших учеников Заманжол, эмигрировавший в Германию, прислал оттуда новенький автомобиль в знак благодарности. Казалось бы, – работай, живи, радуйся. Но не тут-то было! И в новой школе Заманжолу не повезло с начальством. Дарья Захаровна Тиранова оказалась властной самодуркой, не терпевшей инакомыслия, и теперь отношения с нею накалились до предела и угрожали ему новым увольнением.

Дарья, как непочтительно звали директрису за спиной, постоянно упрекала завуча Боту Хасеновну, за то, что она порекомендовала «этого упрямца», «эту головную боль», и даже – «этого козла!». Ну а та, в свою очередь, жаловалась Балжан и просила, требовала подействовать на мужа. На этой почве отношения между Заманжолом и Балжан еще более осложнились, и не проходило дня, чтобы между ними не возникали ссоры. А тут еще эта девушка из теле новостей...

Неизвестно, когда легла Балжан. Заманжол незаметно уснул. И приснился ему сон – иногда мы видим сны настолько реальные, что, проснувшись, долго не можем прийти в себя от перескока в другую реальность.

Бурные волны уносили Алтынай, и Заманжол никак не мог дотянуться до нее. Он хватался, то за кончики пальцев, то за краешек одежды, но она всякий раз ускользала. Девушка всплывала, и тогда Заманжол видел искаженное страхом лицо в нереальном свете молний, а когда она уходила под воду, Заманжол нырял, но тщетно – он так и не смог догнать ее.

Сердце бешено колотилось; Заманжол задыхался, но продолжал безумную гонку по ночной реке. Алтынай кричала захлебываясь и быстро удалялась. А потом и вовсе скрылась из глаз.

Вдруг Заманжол оказался в больнице, в белоснежной палате. Он лежал и не мог двинуться. Все видел и все слышал, но не мог даже пошевелить губами. Тут в палату вкатили специальную кровать на колесах, и уже было понятно, кто на ней лежит. Заманжол хотел попросить санитаров показать ему пострадавшую, доставленную из зала ожидания железнодорожного вокзала, хотя точно знал, что это Алтынай. Нужно только прикоснуться к ней, расспросить. Он был уверен – она обязательно отзовется. И расскажет... о том, где была все эти годы. А главное – как ей удалось выбраться из могилы.

Санитары подошли ближе, и он понял, что это не санитары вовсе, а доктор Парфенов и корреспондент городского телевидения. Не обращая внимания на его отчаянные мимические жесты, они закатали его вместе с койкой в какой-то темный закуток, отделенный от палаты полупрозрачной занавесью.

Видны были лишь размытые силуэты врача и корреспондента; они манипулировали какими-то инструментами, склонившись над пострадавшей, о чем-то оживленно беседуя при этом. Заманжол прислушался.

– Она утонула, и ее давным-давно похоронили, – сказал корреспондент.

– Нет, она у меня, – возразил доктор Парфенов, – Ей стало плохо в зале ожидания вокзала, вы же знаете.

– Да, конечно, – вроде бы согласился с ним корреспондент, но говорил он совершенно о другом, – Речка-то какая бурная. Никаких шансов спастись у нее не было.

– Это поправимо, – гнул свое врач, – Я соберу консилиум, и мы сообща поставим точный диагноз. А с точным диагнозом на руках вылечить не проблема.

– Ха- ха-ха-ха! – рассмеялся корреспондент, выпрямляясь во весь свой немалый рост, и его дробный смех гулко прокатился под неясными сводами высокого потолка, – Вы что! Никому еще не удалось вылечить утопленницу. Да и кости ее давно истлели.

– Вы думаете? – засомневался Парфенов.

– Конечно! – корреспондент отложил свои инструменты и начал стягивать перчатки с рук, – Меня удивляет, что вы вообще взялись лечить ее. Безнадежное дело! Да никто и не откликнется – ее же похоронили и давно забыли, – кому нужна мертвая девушка? Так что не мучайте себя зря и отправьте ее в морг, – там ей самое место.

Заманжолу стало ясно, что врач согласился с доводами корреспондента, хотя и не слышал, что сказал Парфенов напоследок. Врач тоже отстранился от кровати – каталки, и, стягивая тягучую резину с пальцев, подался за корреспондентом из палаты. Заманжол понял, что они скоро пришлют санитаров за Алтынай – чтобы отправить в морг. Он собрал всю свою волю в кулак и в невероятном усилии заставил себя перевернуться на живот. Сантиметр за сантиметром продвигался к краю больничной койки, которая теперь казалась широченным ложем.

И вот он на ногах и редкими, медленными шагами движется к палате. Спешит вовсю, но ноги словно ватные. Заманжол стремится всей душой туда, где лежит она, но занавесь все отодвигается и отодвигается. Он хочет крикнуть: «Алтынай!», но воздух вяжет язык, словно рот набит липкой патокой.

Заманжол слышит шаги санитаров в коридоре; они уже близко, деловито стучат своими носилками, вот-вот войдут в палату, отнесут Алтынай в морг. «Нет! Нельзя ее туда! Она жива!», – кричит Заманжол, но даже сам не слышит свой голос. По его лицу текут слезы бессилия, но, стиснув зубы, он прорывается-таки в палату!

А там тишина. Посреди пустой палаты стоит высокая кровать на колесах. На ней – Алтынай. Она лежит совершенно нагая на белоснежной простыне. Кожа ее поблескивает матово на закруглениях и выпуклостях, словно слоновья кость, и вся она, как изящная статуэтка. Во влажных каштановых волосах запуталась слизкая зеленая тина. Как тогда...

Заманжол тихонечко склонился над ней – Алтынай не пошевелилась. Дрожащими пальцами провел по ее щеке и... Алтынай встrepенулась, открыла глаза и улыбнулась. Заманжол наклонился еще ниже, и Алтынай со вздохом обвила руками его шею.

Заманжол прильнул к ней и стал покрывать ее лицо поцелуями. Сердце словно растаяло и в груди разлилось беспредельное ощущение счастья.

– Алтынай, милая моя, родная! Ты жива, жива, жива! – шептал он, чувствуя, как из глаз струится горячий поток...

– Ты чего, Заман!

Окрик Балжан вырвал его из объятий сна, и он увидел, прямо перед собой, обеспокоенное лицо жены. Заманжол крепко прижимал ее к себе, и, видимо, ее целовал он – на щеках Балжан дрожали капельки его слез.

В народе нашем встречаются еще люди, которых можно назвать «цветом нации», «солью земли», люди с чистой душой и большим сердцем, с ясным разумом, которые, правда, несколько растерялись в наши непростые времена переустройства и социальных неурядиц. Но они стараются изо всех сил, и продолжают жить, придерживаясь тех принципов, которые исповедовали всю свою жизнь. Эти люди, как, например, Заманжол Енсеев и два его друга, Бекхан Кадиев и Владимир Павлов, не идеальны. И это понятно – ведь они живые люди, хотя и выступают здесь в роли персонажей. Давайте понаблюдаем за ними, может быть, кто-то извлечет из этого занятия урок, иначе, зачем автору было и трудиться?

2

В свое время мы все освоили различные специальности и успешно трудились, но в последние годы многие профессии оказались невостребованными. Вернее, невостребованными оказались люди многих профессий. Как Бекхан Кадиев, первоклассный сельский механизатор, который после развала родного совхоза вынужден был перебраться в город.

Будучи оптимистом, Бекхан стойко, с присущим ему философским спокойствием переносил всеобщий упадок, так негативно повлиявший на жизнь его семьи, как впрочем, на жизнь миллионов других семей. Но все же его, нет-нет, да угнетала картина нищеты, в которую все глубже погружался его дом, особенно теперь, когда они оказались в городе, и им иногда нечего было есть, кроме хлеба и пустого супа из «бич-пакета».

Майра, жена, постоянно упрекала его в неумении жить; она считала Бекхана неудачником, неспособным ни к чему, и он признавал, про себя, что жена в чем-то права, чувствовал вину за произошедшее с семьей, хотя не видел в своих действиях ничего, за что можно было стыдиться. Видимо, нынешние времена требовали от него именно тех действий, за которые пришлось бы краснеть.

Теперь он часто вспоминал с грустью советские времена, хотя и тогда особо не благоденствовал, хотя и тогда приходилось схватываться часто с бюрократами и хапугами, которые любили сладко жить за счет простого люда. Схватывался, нужно теперь признать, безуспешно. Но в те времена Бекхана питали иллюзии, он был молод и верил в конечную справедливость.

И в семье тогда царили мир и покой. Дети были маленькими, они с Майрой зарабатывали достаточно и никогда не жаловались на нехватку денег. Бекхан держал под контролем вещистские устремления жены и жил честно и зажиточно по меркам тех времен. И был счастлив.

Он любил жену и детей, а те – его. Правда, не обходилось совсем без ссор, – из-за разницы во взглядах на жизнь, ну и отчасти потому, что Бекхан ревновал жену, так, слегка, и конечно, беспричинно – она не давала особых поводов. Просто они были молоды, Майра не была лишена привлекательности, а по тогдашним понятиям Бекхана, так просто красавицей. Он не замечал по причине влюбленности ни явных, ни скрытых ее недостатков, как физических, так и духовных, и ему казалось, что все, или почти все мужчины вокруг только и мечтают о его жене.

То, что жена совсем по-другому смотрит на жизнь и что у нее совсем другие ценности, не очень смущало Бекхана. Он полагал, что взгляды большинства людей так или иначе расходятся, главное, – они с Майрой едины в любви к своим детям, в которых оба души не чаяли. И, несмотря на приступы ревности, находившие на него, как внезапный и проливной дождь, Бекхан полностью доверял жене и не допускал мысли, что она способна на измену. Сам он тогда был верен ей, так как другие женщины казались рядом с Майрой жалкими дурнушками.

Те времена ушли безвозвратно. Чувства к Майре поблекли после того, как она обнаружила малодушие перед первыми же ударами судьбы. Мало того, что Майра очень чувствительно реагировала на падение уровня жизни, так стала обвинять в этом его, Бекхана, превратив в козла отпущения. После пары-тройки истерик, которые она начала закатывать по пустячным, как ему казалось, поводам, Майра сильно упала в глазах Бекхана. Он ужаснулся метаморфозе, произошедшей с любимой, не догадываясь, что просто с его глаз спала пелена, и ему вдруг открылись все ее изъяны. И, как следствие, пришло охлаждение. Бекхан начал замечать других женщин. Некоторые оказались предпочтительнее Майры, и скоро одной из них удалось соблазнить его. А так как в ауле трудно что-либо скрыть, последовал грандиозный скандал. Бекхан сумел сохранить семью, чего нельзя сказать о любви к Майре, от которой теперь не осталось и следа.

Пытаясь переломить ситуацию, Бекхан уступил требованиям жены и согласился на переезд в город. Но и здесь ничего хорошего их не ожидало. Везде к рабочему относились как

к рабу, как к рабочей скотине; он остро и слишком резко реагировал на проявления хамства со стороны хозяев и начальников, отчего вновь и вновь оказывался безработным.

И вот, наступил момент, когда перед ним возникла дилемма – либо он...

Но давайте обо всем по порядку.

Жара к концу лета установилась прочно. Третью неделю солнце палит немилосердно. Даже с наступлением вечера нет отдохновения – жара сменяется нестерпимой духотой.

Все живое по обе стороны шоссе прячется в тень или под землю. Но куда деваться дорожным рабочим, с семи утра работающим с горячим асфальтом? Почерневшие, словно индусы, блестя мокрыми от пота, испачканными битумом торсами, они с остервенением ворочают пышущий жаром асфальт, приплясывая на нем, как грешники на адской сковороде, недобро посверкивая глазами в ответ на крики начальника участка Пашина, который по случаю срыва графика вынужден жариться вместе с бригадой. Бекхан взглянул на часы и ахнул – половина третьего! Желудок давно перестал урчать, и лишь слабое жжение в животе напоминало о необходимости принять пищу. Матюгнувшись, он отбросил лопату и закричал, стараясь перекрыть гул работающих машин:

– Кончай работу! Пора обедать. Война войной – обед по распорядку.

Рабочие остановились, оперлись о лопаты, стали отирать пот со смуглых лоснящихся лиц. Словно очнувшись, озирались по сторонам. Поняв, о чем кричит Бекхан, потянулись к нему, но их остановил окрик Пашина.

– Какой обед, когда идет асфальт?! – гаркнул он и зло произнес, обращаясь к Бекхану, – Кто ты такой, чтобы устанавливать здесь свой распорядок?

– А ты кто такой, чтобы морить людей голодом? – грубо, в тон ему ответил Бекхан. В его глазах зажегся огонь ненависти к этому хаму, видевшему в нем лишь рабочую скотину. Вспоминая этот момент, он потом будет жалеть, что не сдержался, но сейчас в нем клокотало чувство протеста.

– Бекхан, подбери лопату! – подскочив сбоку, заорал мастер, но Бекхана уже понесло, он уже не мог остановиться.

– Чего орешь! Подбирай сам и паши! А я пойду на обед, – бросил он в лицо мастеру и добавил, – Я не хочу гробить здоровье на этой проклятой дороге!

– Я понимаю тебя, но и ты пойми, Бекхан, ведь асфальт не может ждать, – сбавив обороты, попытался сгладить ситуацию мастер.

– Почему? Что делается с ним на этом пекле? – возразил Бекхан и оглядел рабочих, ища у них поддержку. Но те молча выжидали, не осмеливаясь вступать в конфликт.

– Дело не в том, что с асфальтом что-то случится, а в том, что вы сорвали график! – отчеканил Пашин, – Теперь пеняйте на себя!

– Отчего был сорван график? – не сдавался Бекхан, – Сколько раз говорили: нельзя укладывать асфальт сразу после дождя! Кто-нибудь слушал нас? «Давай-давай!», «Быстрее-быстрее!» – вы разве что-нибудь кроме этого умеете? Вот и допустили брак, а теперь авралим. Виноваты вы – а расплачиваться должны мы?

И вновь Бекхан взглянул на своих товарищей и вновь не ощутил их поддержки. Пашин вместо ответа только дернул головой и повернулся к мастеру.

– Абуkenыч, отправь этого демагога домой, – приказал он и бросил, не глядя на Бекхана, – Кадиев, ты уолен!

Бекхан остался стоять, бессильно сжимая кулаки, а мастер уже погнал рабочих, прикрывая:

– Ну, чего стоим?! Концерт окончен. Или еще кто-нибудь хочет домой?

Желающих не нашлось. Рабочие, стараясь не смотреть на товарища-бунтаря, поспешили на свои места. Мастер поднял лопату Бекхана и встал на его место. Агрегаты, словно отдохнув

во время короткой передышки, взревели с новой силой, и работа закипела. Бекхан махнул рукой и направился к вагончику переодеваться.

Пустой грузовик резво несся по гладкому свежееуложенному асфальту. Водитель, приветливый парень, поглядывал на Бекхана со смесью сострадания и уважения.

– Бесплезно! – заметил он.

– Что? – спросил, очнувшись от своих дум, Бекхан, – Что – бесплезно?

– Спорить с начальством, – пояснил водитель, – Потому что оно всегда право.

– Значит, нужно сдохнуть, да?! Молчать и издыхать? – сердито вопрошил Бекхан, не то у этого шофера, не то, продолжая уже начатую полемику с собой.

Водитель пожал плечами.

– А чего добились? Остались без работы, только и всего.

– Ничего, найдется другая. Были бы руки, да здоровье, а работа найдется, – пробурчал Бекхан, сам не очень-то веря своим словам. Шофер покачал головой, сомневаясь.

– Не спорю, наверное, и найдется. Но ведь везде такие порядки. И везде одинаковые начальники...

– Да, конечно! Но меня б не вытурили, будь наши ребята дружнее, – сердито перебил водителя Бекхан, – Пока все будут рассуждать, как ты, справедливости не добиться, и с рабочими будут обращаться, как с рабами!

Шофер поспешил дистанцироваться, и от своего пассажира, и ото всех рабочих:

– Да я что! Мне все равно – я сам себе хозяин. Чем больше перевезу, тем больше получу. Обедаю, ужинаю, когда удобно.

И он замолчал, уставившись на черную асфальтовую ленту, уже исполосованную серыми полосами от пыльных шин. Бекхан отвернулся к боковому окошку. Глядел невесело вдаль, представляя, какотреагирует Майра на его внезапное увольнение. Пришло первое раскаяние, и он начал клясть себя за то, что не сдержался и полез в бутылку.

3

Владимир Павлов познакомился с Заманжолом и Бекханом в армии. Они были одного призыва, и их сплотило совместное противостояние наездам «дедов». В отличие от своих сельских друзей, Владимир был типичным городским сорванцом, участвовавшим во всех стычках и драках группировки своего микрорайона с такими же бандами из других районов. В школе он перебивался с двоек на тройки, но тупым не был и увлекался чтением приключенческих книг: Джека Лондона, Жюль Верна, Даниеля Дефо, Майн Рида, Александра Дюма, Эдгара По, Марка Твена, Артура Конан Дойла... – этот список авторов можно продолжать и продолжать.

Он мог бы учиться хорошо, но его подвижная натура не позволяла корпеть над учебниками; да в его бедовой среде с презрением относились к отличникам и хорошистам, и считалось доблестью наплевать на учебу. Но это не мешало быть постоянным абонентом школьной и городской библиотек, и Владимир был всегда развитее своих товарищей, прозвавших его «профессором Мориарти».

Родители его потом погибли; они разбились на только что купленной машине, когда он служил в армии. Владимир остался один, так как был единственным ребенком у родителей, приехавших в эти края по комсомольской путевке. Бекхан и Заманжол стали его родней, и после дембеля он поселился в их ауле. Но недолго там прожил – городской есть городской, жизнь аульская показалась ему скучноватой, а тут еще Заманжол уехал в город учиться, а Бекхан женился, да к тому же вечно пропадал в бригаде или в поле. Да Владимиру самому нужно было чему-нибудь обучиться, поэтому он вернулся в город и поступил в индустриальный институт, после окончания которого стал работать инженером на заводе.

Владимир женился на серьезной и рассудительной девушке, – продавщице из универсама; у них родилась дочь, которую он назвал Аленой в память о покойной матери. Алена росла смышленной и радовала Владимира с Татьяной, – так звали его жену, и все было хорошо, пока не разразился кризис. Завод закрылся, система советской потребкооперации тихо умерла, и началась борьба за выживание.

Татьяна быстро сориентировалась и, начав торговать на рынке, стала содержать семью. Владимир, попытав себя на разных работах, и не найдя дела, способного заменить то, чем он занимался до сих пор, начал пить, больше болтался без дела, чем работал, и скоро Татьяна выставила его из дому, сказав, что устала от его бесполезности и пустой болтовни.

Владимир перебрался в бывшую общагу завода. Комнату там предоставили в память о его былых заслугах, ну и, еще потому, что в КСК нужен был дворник и ассенизатор, согласный работать за символическую плату. Впрочем, Владимир не был перегружен и работал еще на стороне, вернее, переходил с одной работы на другую, долго не задерживаясь на одном месте.

Сознание его сделало уклон в ультралевую сторону; он разработал собственную модель справедливого общества, и обдумывал пути реализации этой своей идеи. Он везде, где бы ни работал, пытался вести агитацию, организовать рабочих, и эта активность, естественно, не могла нравиться хозяевам-работодателям.

Владимир обрел репутацию утописта-социалиста. Его отказывались брать на работу, а рабочие не воспринимали его речей всерьез и открыто над ним насмеялись. И только друзья, хоть и не согласные с ним по идейным вопросам, удерживали от того, чтобы окончательно опуститься.

Татьяна сошлась с одним преуспевающим коммерсантом, вдовцом, жившим одиноко. Алена окончила школу и в этом году поступила в университет. Она часто навещала отца, звала обратно в их квартиру, в которой теперь, после вторичного замужества Татьяны, осталась одна.

Но Владимир отказывался, не желая мешать будущему дочери – вдруг она надумает выйти замуж.

Владимир перебивался случайными, часто разовыми заработками, нередко в виде «жидкой валюты», которой он угощал любителей халявы, согласных за дармовую выпивку быть слушателями его идей.

За дощатым столом во дворе семейного общежития сидят Владимир и двое мужчин. Троица вяло перекидывается картами; она больше увлечена спором. Тон в этом споре задает Владимир. Его основной оппонент – начальнического вида пожилой мужчина в очках и шляпе «а ля советский пенсионер», к которому собеседники обращаются запросто, и вместе с тем несколько уважительно, – Сарманыч. Третий игрок, разукрашенный татуировками крепыш по кличке Штангист, вставляет время от времени реплику невпопад, но, отшитый едким замечанием Владимира, недовольно замолкает.

Кроме карт на изрезанном и исписанном столе лежит захватанный кружочек колбасы, которой занюхивают выпивку, так как закусывать ею уже невозможно. Початая бутылка самопала стоит у ножки стола, прижатая пяткой Штангиста, который «банкует» конспиративно, под столом, каждый раз озираясь по сторонам и под столом же передавая партнерам очередную дозу в надтреснутом стакане времен Брежнева. Видимо, при таком способе распития водка приобретает совершенно необычный, пикантный вкус и банальнейшее поглощение спиртного превращается в некое священнодействие.

Общага в эти вечерние часы просыпается от «спячки» и до поздней ночи живет беготней и играми детей, хлопаньем выбиваемых ковров и паласов, однообразным бренчанием гитар, исторгающих из своих ширпотребовских дек бездарные аккорды, выкриками картежников, стуком домино и многими другими звуками, сливающимися с какофонией улицы.

Игра у картежников часто застопоривается, прерываемая, то питейным ритуалом, то эскалацией напряженности в споре о политике. Именно о ней любят поговорить подвыпившие мужчины, в отличие от женщин, которые больше заняты сплетнями или обсуждением бесконечных мелочей типа новых нарядов и рецептов. Если только, по моде нынешних времен, не обсуждают семейные проблемы героев актуального сериала.

Может показаться, что карты являются своеобразной ширмой; да так оно и есть, ибо игроки только изредка вспоминают об игре, выясняя, чей же теперь ход. Лица спорящих покраснелись, частью от выпитого, частью от напряженного горлодрания. Сарманыч темпераментно жестикулирует, а Штангист ощутимо постукивает кулаком по шаткому столу, грозя совсем развалить его.

Спор на этот раз шел о дисгармоничности политик внешней и внутренней, проводимой президентом. Владимир обвинял президента (конечно же, заочно) в том, что тот увлекся внешней политикой в ущерб внутренней. Сарманыч же возражал ему, больше, наверное, по установившейся привычке быть в оппозиции к постоянному собутыльнику и собеседнику, нежели по причине лояльности к проводимой политике правительства.

– Ты учти, – говорил он, – Без правильной внешней политики ничего не сделаешь внутри страны. Где возьмешь инвестиции? Кто их тебе даст, если будешь всех посылать к чертовой матери?

– Никто не призывает посылать! – горячился Владимир, – Но ради этих инвестиций не стоило бы так кланяться заокеанским воротилам. Кстати, инвестиции эти можно было изыскать и у себя. Что? Мало у нас богатств? Зато не пришлось бы делиться доходами от месторождений. Небось, эти зарубежные инвесторы заботятся в первую очередь о своих кошельках. Или я не прав?

– Прав-то прав, – кивал головой Сарманыч, – Но ты учти, (это выражение было фирменным у пенсионера) казна наша пуста. А богатства все в земле. Как их достать оттуда, а? Без

денег кто тебе полезет в шахту? К тому же, президент наш обращает внимание на внешнюю политику по стратегическим соображениям.

– По каким, например?

– А то ты не знаешь!

В этом месте и Штангист решил подать реплику. А поскольку он не совсем понимал, о чем идет речь, то сказал:

– Представь себе, Сарманыч, мы не знаем.

Старик бросил пренебрежительный взгляд на него и вновь заговорил, повернувшись к Владимиру.

– Как ты думаешь, Вован, насколько сильна наша страна? И сможет ли она обойтись своими силами, если, не дай Бог, к нам полезут китайцы?

– Китайцы к нам не полезут, – ответил Вован, и обосновал свое утверждение, – Зачем им лезть к нам войной, когда они просто высасывают наши богатства мирным путем. Мы же, как последние дураки, отдаем всё свое сырье за их безделушки.

– Да, так оно и есть! – поддакнул Штангист стукнув при этом по столу своим кулачищем. И на этот раз спорящиеся не обратили на него внимания. Сарманыч неодобрительно качал головой, собираясь возразить своему оппоненту.

– Ты умный парень, Вован, но в политике ты полный профан, – выдал он и сам удивился тому, как складно это вышло у него. Он еще раз повторил рифмованную фразу, повторил со смешком, но не встретил поддержки у своих собеседников. И продолжал:

– Китайцам нужны территории. Они уже не помещаются в своих границах. Им не дают покоя наши малолюдные просторы. И если бы не СНГ, за создание которого так ратовал наш президент, и не дружба с Россией и США, то мы уже давно стали бы китайской колонией.

– Хорошо, я согласен, – бывшим республикам Союза следовало объединиться. И дружить с Россией мы должны. Но зачем нам вилять хвостом перед американцами?! И перед гнилой Европой!..

– Перед этими гнилыми капиталистами! – не преминул вставить словцо и Штангист. Но тут не выдержал Владимир.

– О господи! – взмолился он и окатил партнера свирепым взглядом, – Ты можешь молча посидеть, Штанга?

А потом предложил:

– Слушай, а шел бы ты смотреть телек!

– Как «смотреть телек»?! – возмутился Штангист, – А игра? Мы играем, или как? Вы задолбали своей политикой! Кому она нужна? Дерете горло зря. И все ты, Вован! Заводишь одно и то же каждый раз.

И добавил, бросив карты на стол тыльной стороной вверх:

– Давайте тяпнем еще по стопарику, и начнем играть по-настоящему. А так только карты протираем.

Установилось хрупкое молчание. Штангист достал из кармана стакан, и под столом наполнив, украдкой подал Сарманычу. Тот тянет теплый самопал бесконечно долго, словно пьет густейший ликер. Штангист в томлении ожидает, глотая слюну. Владимир хмуро разглядывает свои карты, недовольный, что его прервали, и как только старик вернул пустую посуду «банкиру», продолжал.

– Американцы и рады – не знали, как бы подобраться к Центральной Азии, а тут мы сами их и впустили. Нашлись бараны, как же, решили дружить с самим волком.

В этом месте Штангист протянул Владимиру его порцию, легонько толкнув локтем в бок. Эстафету спора подхватил Сарманыч. Старик морщился и говорил из-за кусочка занюхиваемой колбасы.

– Э-э, ты так не скажи! Мы не бараны. Президент наш намеренно вынудил янки вторгнуться в Афганистан. Это называется – баланс сил в регионе. Теперь ни одна из трех сверхдержав не может обойтись без нас. Не каждый президент смог бы так умело воспользоваться таким важным стратегическим положением в самом центре Евразии.

Владимир залпом опустошил стакан и не стал даже занюхивать, – так не терпелось ответить старику.

– Это наш-то президент вынудил американцев вторгнуться в Афганистан?! Ты, Сарманыч, сам-то веришь в то, что говоришь?

Пенсионер хмыкнул. Он, конечно, не мог не понимать, что хватил лишнего. Но сдаваться не хотелось. И он открыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент вновь встрял Штангист и спросил, наверное, в десятый раз за этот вечер:

– Мы будем играть, а?! Чей ход?

Но им не суждено было закончить партию. За спиной Владимира раздался резкий скрип тормозов, и, обернувшись, он заметил машину Заманжол и выходящих из нее друзей. На лице Штангиста появилась озабоченность. Он плотнее прижал ногой бутылку к ножке стола.

Бекхан подошел первым и крепко пожал руку Владимиру, а затем и остальным игрокам. Заманжол также поздоровался со всеми за руку. Владимир жестом пригласил друзей за стол, но они остались стоять.

– Нет, – качнул головой Бекхан, – Некогда.

– Как жизнь? Чего катаетесь? – поинтересовался Владимир.

– Дело есть, срочное, – немного таинственно ответил Бекхан.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоился Владимир.

– Ничего особенного, – успокоил его Заманжол, – Просто нужно кое-куда съездить. Иди, переоденься. И не забудь побриться, душман!

Владимир ушел. Сарманыч бросил свои карты поверх оставленных Владимиром.

– Мужики, присаживайтесь, чего стоять-то. Штанга, наливай, угостим ребят, – гостеприимно распорядился он.

– Я не пью, – за рулем, – отказался Заманжол.

– И я тоже не буду, – поспешил присоединиться к нему Бекхан и добавил, – Не обессудь, Сарманыч, у нас дело.

Штангист облегченно вздохнул.

– Ну, как хотите, – приподняв плечи, сказал он, – Наше дело предложить – ваше отказаться.

– Жара стоит адская, вот днем отлеживаемся, а с вечерней прохладой выползаем перекинуться картишками, – сказал Сарманыч с нотками оправдания в голосе.

– Карти-ишками! – передразнил его Штангист, – Скажи лучше – языки почесать да горло подрать. Как заведут свою политику, так и игре конец!

Все заулыбались.

– Что теперь – играть, прикусив языки? – улыбаясь, оправдывался старик, – Одно другому не мешает.

– Еще как мешает! – возразил Штангист, – Вы просто спорите с картами в руках. За весь вечер одной партии не одолели, это что – игра?

– Политика увлекательнее карт, – заметил Заманжол.

– Да ну! – неодобрительно отозвался Штангист, – Лучше поговорить о чем-нибудь другом! Вот хотя бы о бабах.

В его глазах промелькнула лукавая искорка.

– Ну, эта тема интересна только для вас, молодых, – улыбнулся Сарманыч.

– Не прибедняйся! – воскликнул весело Штангист и подмигнул Бекхану. Затем похлопал старика по спине и продолжал:

– Ты еще ничего старикан, сгодишься. Хочешь, сведу с одной разведенкой? Во бабенка! Все технично обставим, подкинь только бабки, немного, пару штук, на выпивку приличную да на закусон – и она твоя. Бабуле твоей скажем, что едем на ночную рыбалку.

Старик заулыбался.

– Скажешь тоже... пару тысяч. Да я лучше на них внукам что куплю. Да, и прошло мое время по бабам шастать. А еще лет десять назад...

Вернувшийся Владимир прервал расхोдившегося старика:

– Пока Сарманьч! Не скучай. Договорим после.

И, обращаясь к Бекхану, бодро произнес, поднося руку к козырьку бейсболки:

– Прибыл в ваше распоряжение, товарищ сержант! Какие будут приказания?

Тот ответил с усмешкой:

– Марш в машину, вояка!

4

Мы живем в стране, бывшей когда-то частью огромной империи, и не подозреваем, сколько на свете маленьких, микроскопических стран: государств-городов, государств-островов, затерянных на просторах океанов. Островов, населенных потомками всякого рода путешественников, искателей приключений, беглых каторжников и политэмигрантов из разных континентов, от которых в бурном XX веке – веке революций и переворотов, периодически разбегались отдельные личности и целые сословия.

На одном таком острове, выбранном в свое время в качестве убежища староверами-поморами, на острове, который и тогда был обитаемым, отчего гонимые за веру основали свою, изолированную от остального населения общину, на острове, который к началу двадцатого века был под властью британской короны, пришвартовался небольшой пароход с русскими белоэмигрантами на борту.

Это было давно, после бесславно проигранной белыми гражданской войны. Хотя путешественники и имели довольно жалкий вид после многомесячных мытарств в океанских просторах, они были хорошо вооружены, а главное, их возглавлял отличный вожак – потомственный офицер, властный командир, сумевший погрузить остатки своего подразделения на этот старый пароход, предназначенный для каботажного плавания. Капитан со своей немногочисленной командой вынужден был подчиниться решительному военному, который вторгся на его судно и сразу же начал командовать.

При погрузке на материке солдаты внесли несколько тяжелых ящиков с оружием и патронами, и вместительный сундук, который не последовал за остальным грузом в трюм, а был помещен в каюту, занятую решительным офицером и его пятилетним сыном, отчего капитан заключил, что в нем находится что-то ценное.

Во время длительного плавания, в портах, где каждый раз офицер сходил на берег с маленьким чемоданчиком в руках, сопровождаемый несколькими солдатами, после чего пароход загружали всем необходимым, среди команды распространился слух, что сундук тот битком набит золотом.

В последнем материковом порту пароход был перегружен очень рискованно, и офицер задал курс в направлении Америки. Кто знает, сумели бы путешественники пересечь океан, если б на их пути не оказался этот островок, появившийся так кстати, ибо кончилось топливо, и пароход дрейфовал, став добычей течений и ветров. Продукты тоже подходили к концу, и вода была на исходе. Изнывая от жажды, страдая от голода, команда открыто роптала, но солдаты беспрекословно выполняли приказы своего командира, и дисциплинированность военных вынуждала матросов держать себя в руках, и за время долгого и трудного плавания не произошло никаких серьезных эксцессов. Владимир Михайлович Павловский, суровый, но справедливый командир, имел феноменальную способность держать в узде людей, и любая лихая голова склонялась перед ним.

Как только остров был замечен, капитан приказал развести пары. Это было сделано оставленным для такого случая углем, и пароход, преодолев сильное течение, вошел в бухту и пришвартовался к причалу, занятому главным образом рыбацкими судами.

Белоэмигранты во главе с Владимиром Павловским высадились на остров Надежды, – именно такое название дали острову первые британцы-колонизаторы. Никто их тут не встречал, никто не выказал радушия, да ведь во все времена золото и оружие имели решающее значение в делах людей. Очень скоро Владимир Павловский и его подчиненные получили местное гражданство, справили документы и слились с остальным населением острова, состоявшим из рыбаков, землепашцев и торговцев.

Предприимчивый белоэмигрант скупил потихоньку участки на побережье той бухты и основал компанию «Надеждинский морской порт». Павловский сумел привлечь капиталы и небольшой в начале порт рос и ширился, так, что скоро смог принимать океанские сухогрузы и танкеры. Доходы компании росли баснословными темпами, и вскоре Павловский вошел в число самых богатых людей острова.

Сыну своему Роману Владимир Михайлович дал прекрасное образование в одном из лучших учебных заведений мира. И когда бывший белоэмигрант умер, компания перешла в надежные руки.

В силу того, что остров находился вне территорий, куда распространялись стратегические интересы воюющих держав, остров избежал оккупации во время второй мировой войны. Островитяне благополучно отсиделись на своем острове, а после войны стали осваивать болотистые равнины, строя дренажи, плотины и другие гидротехнические сооружения. Население росло быстрыми темпами, строились новые города и поселки, осваивались месторождения полезных ископаемых.

Образованный и деятельный Роман Павловский продолжил дело отца и в последующие десятилетия морской порт Надежды обрел статус международного. Роман Владимирович очень любил свою жену Анну, которую привез из Англии, именно там он и учился. Она была хорошей помощницей в делах, бесценной советчицей, единственным человеком, позволявшим себе критически анализировать его действия. Анну долго преследовали выкидыши, а когда она доносила ребенка, то умерла при родах, произведя на свет девочку, которую безутешный отец назвал Надеждой.

Надежда росла без материнской ласки, в суровой обстановке. Роман Владимирович не отстранился от ее воспитания, но когда та подросла, отправил учиться в тот же университет, который сам когда-то закончил; оттуда она, по примеру своего отца, привезла жениха – Тома Вильсона, выпускника медицинского колледжа, и вышла за него замуж. Тогда Роман Владимирович устроил зятя в секретную лабораторию медицинских исследований при министерстве внутренних дел, который в то время возглавлял профессор Демидов, близкий друг, сын одного из соратников Владимира Павловского. Том Вильсон проработал там вплоть до громкого скандала, разразившегося после ликвидации одного из лидеров политической оппозиции. Лаборатория была закрыта по требованию общественности, профессор Демидов вышел в отставку и занялся частной практикой, а Том, по настоянию своей жены Надежды Романовны был принят в штат компании на должность начальника безопасности. Роман Владимирович недолюбливал зятя, в общем-то, без видимой причины, но ему пришлось удовлетворить требование дочери, которая к тому времени стала главным менеджером компании «Надеждинский международный морской порт».

новь созданным парламенту и кабинету министров Роман Владимирович всю жизнь помнил об оставшейся в России матери, которую отец, умирая, завещал найти. Роман Владимирович посылал в СССР надежного человека с заданием найти мать, сестру или брата – он знал от отца, что мать была беременной, когда они покидали Россию. Вначале поиски не увенчались успехом. Когда в Страну Советов пришла перестройка, и открылся доступ во многие архивы, Роман Владимирович отправил на прародину некоего Бестужева Анатолия Васильевича, на поиски матери и возможных братьев и сестер. Теперь поиски начали давать обнадеживающие результаты. Бестужев выяснил, что у Романа Павловского был брат, и что мать его умерла в блокадном Ленинграде во время второй мировой войны.

Роман Владимирович не жалел денег на поиски брата. Он пообещал в награду целое состояние, если Бестужев разыщет брата или его детей. После получения этого сообщения Бестужев утроил усилия, проводя дни напролет во всевозможных архивах, не жалея денег на подкуп тамошних сотрудников.

Стремительно пролетели годы, нескончаемый вроде бы век истек; Роман Владимирович почти не вмешивался в дела своей компании, положившись на дочь и зятя. Правда, он все еще держал контрольный пакет акций компании в своих старческих, но еще цепких руках и время от времени требовал у дочери отчета. Бывало, что устраивал разнос и учил, как нужно вести дела.

Роман Владимирович постарел; он был еще довольно крепок, но движения его стали замедленными; он иногда долго сидел неподвижно, уставившись в пространство и это могло произойти на заседании совета директоров или на собрании акционеров и солидные киты бизнеса молчали, ожидая с почтением, когда же старик придет в себя. В такие минуты у Надежды Романовны хищно суживались глаза, и какой-нибудь наблюдательный акционер понимал, что переживает в эти мгновения дочь хозяина компании. Поэтому в офисах не стихали разговоры о ненависти дочери к своему престарелому родителю, не спешившему полностью передать бразды правления компанией в руки дочери. Так и жили они, пока Павловский не захворал. Врачи с переменным успехом лечили его, но общее состояние старика постепенно ухудшалось. Тогда его обследовал профессор Демидов, который после тщательного анализа поставил ошеломляющий диагноз.

5

Бекхан, Заманжол и Владимир приехали в небольшое кафе, которое они меж собой называли «Деревяшкой», оттого, что располагалось оно в бревенчатом одноэтажном здании. Здесь устраивали они свои мальчишники, а с женами они собирались очень редко и гуляли обычно у кого-нибудь дома.

В этот раз поводом для посиделок стало увольнение Бекхана. Домашние его еще не знали о случившемся; у Бекхана возникла потребность поделиться невеселой новостью с друзьями, ощутить их поддержку перед нелегким объяснением с женой.

Друзья не подозревали, что это их последняя встреча, что очень скоро пути их разойдутся, что каждого ожидают события, которые потребуют от них напряжения всех физических и духовных сил. Но, пока они ни о чем не догадываются, и, считая, что это очередная их встреча, непринужденно беседуют, попивая, – кто водку, кто пиво, а кто просто минералку.

– Что за праздник сегодня? – спросил Владимир, взяв в руку рюмку с водкой и приготовившись произнести тост.

– Никакого праздника нет, даже наоборот, – ответил ему Бекхан, грустно улыбнувшись, – Просто я решил обмыть расчетные.

– Ты что, уволился?

– Уволили, – вздохнул Бекхан, – Потребовал, чтобы вовремя давали обедать, а они: «Дисциплину нарушил!» Порядочные скоты наши начальники!

– Ясно, – произнес Владимир замену своему несостоявшемуся тосту и залпом опорожнил рюмку. Потом, не закусывая, закурил. К нему присоединился Бекхан.

– Что теперь собираешься делать? – спросил Заманжол.

– Не знаю, – Бекхан не спеша выпустил дым через нос, – Куда ни сунься, везде одно и то же. К рабочему относятся, как к рабочей скотине. И это демократия?

– Но и при Советах мы пахали, как вола, – заметил Владимир.

– Да, но тогда можно было пожаловаться. А сейчас куда мне пойти, кому жаловаться?

– Как куда! Обратись в суд, – посоветовал Заманжол.

– Скажешь тоже! У меня нет ни денег, ни времени ходить по судам. А у них – штатный адвокат, денег хватает. Так кто выиграет дело?

– Но у тебя же есть договор на руках! Там должен быть пункт о том, что ты имеешь право на обеденный перерыв. Разве не так? – не сдавался Заманжол.

– Так-то он так. Вот только в том договоре не указано конкретное время обеда. Вопрос в том, когда они предоставляют этот перерыв.

– Во всем виноваты мы сами, – назидательно произнес Заманжол, – Куда ты смотрел, когда подписывал договор?

– Вот заладил: договор, договор! – Бекхан сердито двинул рукой, и от зажатой меж пальцев сигареты посыпался пепел, – Мог я ломаться, когда устраивался на работу и выдвигать требования? Они вообще не взяли бы. Что бы я им сделал? Хотят – берут, хотят – не берут...

– Нет, так нельзя! – воскликнул Владимир, опрокинув в рот следующую рюмку водки, – Нужно поднимать рабочих, устраивать забастовки, организовать профсоюзы! Раз наступил капитализм, нужно перенимать методы борьбы рабочих капстран.

– Организуешь тут с нашими, ё... – Бекхан выругался, – Я спорю с начальником участка и с мастером, а ребята наши, рабочие, развесили уши, стоят, выжидают, чья возьмет. А как только пригрозили увольнением, совсем перепугались.

Бекхан докурил сигарету и размазал окурок в пепельнице. Друзья молча ждали, думая, что он не закончил.

– Да и понять их несложно, – продолжал Бекхан, – сколько каждый из них провалялся без работы? Нет, с нашими людьми каши не заварить. На западе совсем по-другому. Там и капиталисты цивилизованные, не то, что у нас. Наши готовы убить рабочего, чем выполнить его требования.

– Цивилизованные... – усмехнулся Заманжол, – Не знаю, какие они там, но и они эксплуатируют людей нещадно. Наш физик, Лео Шенберг, ездил в Германию к брату, так за время пребывания там не смог толком поговорить с ним. Говорит: брат уезжает на работу в пять утра, а возвращается к девяти вечера в таком состоянии, что засыпает, не ужиная.

– Что за работа начинается в пять утра и продо? Наврал твой физик, – насмешливо возразил Владимир.

– Не наврал! – Заманжол вспыхнул, но тут же взяв себя в руки, спокойно разъяснил, – Работа начинается в восемь, но добираться до нее три часа, ну и обратно. А работают там так, как нам и не снилось. За пятиминутное опоздание или непредусмотренный договором перекур увольняют без разговора. У них тоже безработица – не забывай!

– И я бы так работал, лишь бы платили, как им. Чтобы порядок на производстве был и условия труда соответствующие, – сказал Бекхан.

– Значит, нужно добиться, чтобы и у нас такие порядки установить, – заявил Владимир уверенно.

– А как? – Бекхан повернулся к нему всем корпусом, – Ты сам многого добился? Работу не можешь найти. А почему? Не знаешь? Да потому, что хозяева предприятий предупреждают друг друга о таких бузотерах, как ты. Существуют черные списки, в которые ты занесен, ну и меня теперь занесут. Когда я захочу устроиться куда-нибудь, там сверятся, нет ли меня в тех списках, благонадежен ли я. Так как нам организовать рабочих?

Владимир озабоченно почесал затылок.

– Вот черти! – воскликнул он, – Я подозревал, что там, куда я ходил устраиваться, знали обо мне. Спросят фамилию, скажут: «Подождите» или «Придите после», а придешь после, отказывают. Нет, нужно организовать какой-нибудь кружок, вроде кружка марксистов, с которого и Ленин когда-то начинал...

– Мужики! Куда ваши разговоры заведут? – забеспокоился Заманжол, – Володя, ты затеваешь что-то нехорошее. Хочешь, чтобы нас посадили?

– Ну, эт-ты загнул! – хохотнул Бекхан, – Сейчас не сталинские времена. Просто из этой затеи ничего не выйдет. Никто в такой кружок не пойдет.

– Почему? – упрямылся Владимир, – Не мы одни страдаем от произвола. Нужно только начать, потом к нам примкнут тысячи, – он секунду подумал, затем поправился, – миллионы! Организуем сначала кружки, а там и партию рабочих соорудим. Возьмем предприятия под контроль, заставим правительство создать рабочие места, чтобы не было безработицы. Далее – выдвинем своего кандидата в президенты. Народ его обязательно изберет. Выберемся и в парламент, а тогда сможем изменить законы, – тогда никакая сволочь не посмеет обращаться с рабочими, как со скотиной.

Выдав это, Владимир оглядел друзей. Заманжол не знал, принимать его слова всерьез, или это такая шутка. Бекхан же хлопнул Владимира по плечу и захохотал, да так оглушительно, что остальные посетители стали оглядываться на них.

– Ха-ха-ха... – давился смехом Бекхан, – Вот это да! Президента! Парламент! Ха-ха-ха... Насмеявшись, он спросил, утирая выступившие слезы:

– Не метишь ли ты сам в президенты?

На что Владимир ответил без тени сомнения:

– Почему нет? У меня четкая программа переустройства всего общества. Я...

Бекхан перебил его.

– Брось! Это несерьезно. Да и народ наш сейчас инертный, – разуверился во всем. Все знают, что даже у Ленина ничего не вышло, чего уж говорить о тебе.

– Почему это у Ленина не вышло! – горячо возразил Владимир, – Он революцию совершил, власть рабочим дал...

– Что ты городишь, Володь! – вступил в спор Заманжол, – Ты же отлично знаешь, что власть тогда захватила кучка авантюристов, которая демагогически вещала от имени рабочих, но которой не было никакого до них дела.

– Неправда! Ленин установил диктатуру пролетариата. Такая диктатура сейчас была бы очень кстати. Это Сталин извратил все, что было задумано Лениным, узурпировал власть, принадлежавшую рабочим. А если бы он продолжал дело Ленина...

– Сталин-то как раз и следовал учению Ленина и он таки установил диктатуру! – перебил Заманжол.

Бекхан поднял руки.

– Все-все! Прекратим этот бесполезный спор, – призвал он, – Давайте поменяем тему.

И обратился к Заманжолу:

– Как дела в школе? Надеюсь, хоть у тебя все в норме?

Заманжол слабо махнул рукой и пробормотал:

– Да так... все по-прежнему.

Владимир не мог успокоиться. Он насмешливо поинтересовался:

– Все воюешь со своей Захаровной?

Заманжол стрельнул в него глазами, но промолчал. Владимир продолжал:

– И в школах у нас нет порядка. Вот откуда все наши беды берут начало. В первую очередь нужно привести в порядок систему образования, чтобы правильно воспитывать людей. Тогда эти люди смогут построить в стране справедливое общество.

– Ну и как, по-твоему, нужно правильно воспитывать людей? – не выдержал Заманжол и снова ввязался в спор, – Послушать тебя, так ты во всем разбираешься. Но нужно же иметь специальное образование, чтобы судить о чем-либо. Ты сам только что сказал, что порядок в стране установят люди с соответствующим образованием. У тебя техническое образование, а ты рассуждаешь о политике, политэкономии, педагогике. Да, практически обо всем, что б мы ни затронули в разговоре.

– Не забывай Заман, я прошел жизненную школу, – парировал этот выпад Владимир, – А это целые университеты, как сказал Горький.

– Короче, нахватался всего понемногу, – пренебрежительно отмахнулся Заманжол. Затем добавил:

– А твоя программа – чистая утопия!

Владимир рассердился.

– Чего заладили: утопия, утопист?! – обиженно вскричал он, – Теперь и ты! Ты мне друг, или кто?

Бекхан вновь остановил спорящих.

– Поразительно! – смеясь, воскликнул он, – Какую бы тему ни обсуждать, мы найдем о чем поспорить.

Затем произнес командным голосом:

– Все! Хорош! Давайте, допивайте, – и по домам.

Когда сели в машину, Бекхан поинтересовался, полуобернувшись назад:

– Ты помирился с Таней? Алена, поди, скучает по тебе?

Владимир ответил не сразу. Он добил сигарету, потом выбросил окурок, приспустив окошко.

– Татьяна подыскала для Алены другого папу, – невесело пошутил он.

Установилось тягостное молчание. Бекхан откинулся на спинку сиденья и вздохнул.

- Да-а. Как бы и Майра не собрала мне чемодан.
- Типун тебе на язык! – встревожено воскликнул Заманжол, – Не доводи дела до скандала. Может, пока не стоит говорить ей? Хотя бы пока не подыщешь другую работу.
- А зачем? Говори, как есть, – подал голос Владимир и заверил, – А прогонит – поселишься у меня. В тесноте – да не в обиде!
- Да нет, спасибо, – отказался Бекхан, – Я уж лучше у себя... как-нибудь.
- Когда Владимир сошел возле своей общаги, Заманжол сказал, покачивая головой:
- Ну же чертяка! Несет околесицу. И ведь сам понимает, что чушь, а упрямится, спорит...
- Что? – Бекхан думал о скором уже объяснении с женой.
- Да Володя, говорю, – порет ерунду, о партии, парламенте...
- Но что ему остается? Ему не позавидуешь. Татьяна лишила его последней надежды. А с другой стороны – кому сейчас легко? И у тебя не все гладко, а уж что касается меня...
- Мы-то с тобой живем с женами, со своими семьями.
- Пока. Чувствую, если что-нибудь не придумаю, то точно окажусь у Володи в общаге. Вот еду и не знаю, как скажу Майре, что вылетел с работы. Ты же знаешь ее – без истерики не обойдется.
- Ты ей скажи, пусть не переживает. Я поговорю с нашим завхозом, может, возьмет тебя в котельную. Он набирает новых кочегаров, – прошлогодние-то все спились.
- Бекхан усмехнулся.
- Да нет, не надо. А то ненароком и я сопьюсь. И я не смыслю ничего в этих котельных. А учиться уже поздно...
- Не поздно! – бодрясь, возразил Заманжол, – Нужно приспособливаться к изменяющимся условиям. Только тогда можно выжить.
- Из своей биологии цитируешь? – невесело улыбнулся Бекхан, – Теория эволюции, борьба за существование? Закон джунглей – выживает сильнейший?
- Неправильно, – возразил Заманжол, – Выживает не сильнейший, а более приспособленный.
- Он остановил машину возле приземистого домика на окраине. Бекхан вышел, и перед тем, как попрощаться, заметил:
- В твоей теории что-то есть. Нужно подумать...
- Заманжол моргнул ободряюще. Бекхан захлопнул дверцу, и машина отъехала

6

Бывает так, что человек заикливается на том, что, казалось бы, не имеет к нему никакого отношения. Он думает об этом дни и ночи, вместо того, чтобы решать свои неотложные дела. Через два дня начинались занятия в школе; дел там было невпроворот, а мысли Заманжол вновь и вновь возвращались к беспомощной пациентке доктора Парфенова.

– Алтынай, вылитая Алтынай, – шептал он то и дело, – Как бывают похожими люди! «А может, это все же она? – посещала вдруг шальная мысль, но он тут же урезонивал себя, – Нет-нет, ты что! Алтынай мертва. Ведь ты сам был на похоронах, ведь сам, своими глазами видел, как ее опускали в могилу, как засыпали землей. Нет, это просто другая девушка. Просто поразительно на нее похожая девушка».

А затем вновь одолевали сомнения. «Может, она не умерла, – думал он, – Бывало же, что хоронили людей, впавших в летаргический сон. Но, могила... ведь ее могила была цела, когда ты на следующий год посетил ее. И в последующие тоже».

Заманжол мог долго так разговаривать с собой.

«И возраст у этой девушки не тот, – продолжал он размышлять, – Если бы Алтынай каким-то чудом осталась в живых, то, сколько было бы ей сейчас лет? То-то!»

Но сомнения не отпускали его. Наоборот, с каждым днем все эти мысли прокручивались в голове все навязчивей, мучая своей неразрешимостью. Заманжол не знал, что и делать. Он стал рассеянным, часто на него находила непонятная задумчивость, удивлявшая коллег; ведь он всегда был таким внимательным и собранным.

Заманжол не пропускал теперь выпуски новостей, надеясь узнать что-нибудь новое о той, что так взволновала его, взбаламутила устоявшуюся душу, вынеся на поверхность давно осевшую на дно историю его далекой юности.

История та произошла в пионерском лагере, куда его, студента пединститута, направили воспитателем. Живописное место, мягкий климат, небольшая, но быстрая река, а за ней горы в три яруса; короче, после суетного, смрадного города Заманжолу показалось, что он попал в рай.

Коллектив педагогов, практикантов-студентов, вожатых подобрался очень душевный, и Заманжол сразу почувствовал себя, как у себя дома. И дети, вверенные под его начало, оказались дружными и веселыми, и с первого дня между ним и ими установились отличные отношения. Заманжол подошел к ним с открытой душой, стараясь держаться не учителем, не начальником, а товарищем, хоть и старшим, но товарищем, равным среди равных. Все девчонки и мальчишки оценили этот подход и безоговорочно приняли Заманжолу в свою среду, доверяя ему свои тайны и маленькие секреты.

Летели дни и ночи в играх и забавах, на выдумку которых горазды дети на природе. Иногда забавы эти бывали не совсем безобидными, но ни разу Заманжол не выдал начальству ребят, хотя ему здорово доставалось, если что-либо всплывало, и раздражался скандал. В общем, все шло нормально.

Но с некоторых пор Заманжол стал замечать в глазах одной девчонки, восьмиклассницы Алтынай, необычный свет. Он вспыхивал каждый раз, когда Заманжол обращался к ней, особенно в те редкие минуты, когда они оставались наедине. В такие минуты Алтынай начинала волноваться без причины и порывалась что-то сказать, но когда Заманжол спрашивал, что ей нужно, молча качала головой, краснела и отворачивалась.

Заманжол невольно любовался хорошенькой девочкой, почти девушкой, на которую уже начинали заглядываться мальчишки. Он ловил себя на том, что думает нескромно о Алтынай, и старательно отгонял эти мысли – ведь он был воспитателем, а она школьницей. Восхитительной была ее гибкая фигура с выразительной тонкой талией, ее стройные ноги и грациоз-

ная шея, ее небольшие груди – пиалки. Заманжола все время тянуло любоваться ее лицом, словно светившимся изнутри. Все на этом лице было соразмерным и красивым. А ее глаза! Они горели неизбывным огнем, вселяя в каждого, у кого есть душа, почти суеверный трепет, покоряя с первого взгляда. Украдкой любуюсь ею, Заманжол думал: «Как должна быть счастливой обладательница такой красоты...»

Но с каждым днем Алтынай становилась все грустней, все печальней. Она стала отказываться от игр и походов в горы или на речку; жалуясь на недомогание и головную боль, уходила в спальный корпус. Однажды Заманжол обнаружил ее там, плачущую навзрыд, уткнувшись в подушку. Он присел к ней на кровать и тронул за плечо, и она резко обернулась. На его вопрос, мол, что случилось, она неожиданно прильнула к его груди и начала сбивчиво говорить о своей любви.

Прекрасная девушка открыла ему свою чистую, девственную душу, предлагая свою первую, чистую любовь, и нужно было обладать титанической волей, чтобы устоять. Заманжол устоял! Невероятно, но он оторвал эту прелесть, эту мечту, оттолкнул от себя и в смятении ушел прочь.

Как жестоко обходимся мы иногда с теми, с кем обрели бы свое счастье! И все из-за каких-то нелепых догм и установлений. Заманжол считал себя педагогом, не имеющим права на интимные отношения со своей подопечной. И не смог перешагнуть через этот губительный стереотип, хотя видел, как мучается девчонка, бессильная совладать со своей первой любовью. Вновь и вновь пыталась Алтынай достучаться до него, пробиться к его сердцу, но он неизменно отвечал ей, объяснял, что им нельзя любить друг друга, потому что она ученица, а он воспитатель, что ей еще рано думать о таких вещах, что она должна сначала окончить школу, потом поступить в вуз... и так далее и тому подобное.

Алтынай после таких «бесед» становилась такой несчастной, что сердце Заманжолы сжималось от жестокой боли; ему хотелось прижать ее к груди, успокоить, утешить ее страдающую душу. Но он так и не решился на такой простой и необходимый шаг.

Заманжол страшился сплетен. Он представлял, как усмеваются детские глаза, как на их губах играет презрительная улыбка. Не мог рисковать их доверием, поэтому решительно отверг любовь Алтынай.

В любом коллективе может оказаться подлый человек. Нашелся такой и в их лагере. Вместе с Заманжолом приехал еще один студент из их института. В отличие от Заманжолы Тахир был здесь второй сезон и чувствовал себя старожилом. В первый же день Тахир стал учить Заманжолу, как нужно обращаться с отдыхающими детьми, чтобы те «не сели на голову». Заманжол отверг эти поучения, сказав, что сам разберется со своей работой. После этого Тахир и невзлюбил Заманжолу и между двумя воспитателями установились весьма натянутые отношения.

Вскоре по лагерю распространился слух, что Алтынай «сохнет» по Заманжолу. Заманжол не знал, как держать себя с ней, не знал, куда скрыться от ее умоляющих глаз. От непринужденности в отношениях с детьми не осталось и следа. Заманжол весь изнервничался и считал дни до окончания потока.

Однажды, когда Заманжол и Тахир возвращались в лагерь с реки, последний поинтересовался, противно улыбаясь:

- Говорят, Алтынай втюрилась в тебя...
- Кто говорит? – Заманжол внутренне подобрался.
- Неважно, – уклонился Тахир от прямого ответа, – Говорят, я думаю, не зря. Сегодня я понаблюдал за ней, – она прямо ест тебя глазами.
- Ну и что? – Заманжол скосил глаза на собеседника, – Тебе-то что?
- Вообще-то ничего, – Тахир пожал плечами, – Только не понимаю тебя. Такая красавица предлагает себя, а ты теряешься.

И он повторил, качая головой:

– Не понимаю я тебя!

– Чего тут не понимать! – Заманжол начал заводиться, – Она ученица... совсем еще ребенок. Ну, вторилась, с кем не бывает? Такой у нее сейчас возраст...

– Ну и чудак же ты! – Тахир ухмыльнулся, – Таких чудачков я еще не встречал. Ребе-енок! Да ты раскрой глаза-то! У нее сиськи, что у той марьяванны! А ножки? А попка? Неужели ты не заводись от ее прелестей?

Заманжол молчал, брезгливо морщась, – ему показалось, что Тахир окатил его помоями. А тот продолжал мечтательно:

– Эх, мне бы ее! Уж как бы покувыркался с ней...

Заманжол рассвирепел. Он сгреб Тахира за ворот и яростно выдохнул в лицо:

– Ты! Заткни свою вонючую пасть! Еще раз подобное услышу – кровью умоешься!

И с силой отшвырнул от себя. Тахир еле удержался на ногах. Он возмущенно вертел шеей, но не посмел ответить Заманжолу, видя, как он изменился в лице. Тахир покосился на сжатые кулаки Заманжолы и трусливо удалился, говоря:

– Но-но! Тоже мне... чистюля. Строишь из себя, черт знает что, а у самого, небось, слюнки текут. Ну и хрен с тобой! Я сам окручу ее...

– Не вздумай! – угрожающе крикнул Заманжол ему вслед.

Любая страдающая душа ищет утешения. И утешителя. Нашла его и Алтынай. Отчаявшись добиться взаимности от Заманжолы, она начала принимать ухаживания Тахира. Опытный в таких делах, тот начал издали, исподволь готовя почву. Заметив, что Алтынай в очередной раз осталась одна, он следовал за ней в те укромные уголки, куда она забиралась, чтобы вволю отдаться своему «горю». Вначале Алтынай настороженно относилась к преследованиям Тахира, но потом ее посетила глупая мысль сделать его своеобразным орудием. Она завела флирт с Тахиром, чтобы досадить Заманжолу, чтобы доказать, что она вполне взрослая, возбудить в нем ревность, надеясь, что он тогда смилостивится. Утерев слезы, Алтынай стала прогуливаться с Тахиром под руку, выставляясь на всеобщее обозрение. На вечерах она танцевала только с ним, отказывая другим желающим потанцевать с ней.

Заманжол поймал как-то Тахира, и между ними состоялся следующий разговор:

– Что ты делаешь? – процедил Заманжол, глядя на Тахира не обещающими ничего хорошего глазами.

– А что? – Тахир предусмотрительно отодвинулся.

– Тахир, я тебя предупреждаю! Отстань от нее!

– Слушай, чего ты хочешь? – возмутился Тахир, – Сам не дам – и другим не дам? Хотела она тебя? Хотела. Да ты сам не захотел. А теперь она хочет меня!

– Брось! Мы оба понимаем, для чего она связалась с тобой. И оба знаем, что она не любит тебя. И никогда не полюбит!

– Мне она говорит, что любит, – соврал Тахир, – Не веришь – спроси у нее. И вообще, отстань от нас. Мы решили с ней пожениться... когда она окончит школу, а я институт.

– Не знаю, что будет, когда она окончит школу, но сейчас она ученица, и я требую, чтобы ты отстал от нее!

– Что ты сделаешь? Настучишь начальнику? Да? Иди, стучи! А я скажу ему, скажу, что у нас любовь. Да! Скажу, что мы любим друг друга. И он нас поймет.

– Я настучу по твоей дурьей башке! – Заманжол еле сдерживался, чтобы не привести свою угрозу в действие – И вышибу мозги! Если они еще есть у тебя.

– Только посмей! – заверещал Тахир противно, – Отдам под суд! Хочешь сесть, да? Из института выкинут, – это точно!

– Пусть посадят! Пусть выкинут! Но я тебя предупредил. Так отделаю, что мало не покажется.

Успокоившись, Заманжол понял, что вряд ли добьется чего-нибудь угрозами. Поэтому решил поговорить с Алтынай.

- Алтынай, что с тобой происходит? – спросил он, отозвав ее на пустынный берег реки.
- А что со мной происходит? – вызывающе ответила та вопросом.
- Зачем ты связалась с Тахиром?
- А тебе какое дело?

Заманжол замялся; не ожидал такой грубости от нее. Он не знал, как вести этот щекотливый разговор. Они медленно шли по гладким, плоским камням, сложенным детьми в лежанки для загорания. Алтынай глядела в сторону, но исподтишка бросала взгляды на Заманжолу. Заманжол вздохнул.

- Алтынай, ты очень хорошая девочка, а...

Но она перебила:

- Я не девочка! Я уже девушка. Я взрослая девушка, неужели не понятно?
- Ну, хорошо, пусть ты и девушка. Но ты несовершеннолетняя, ты...

И вновь она перебила его:

– Ну и что? Мне уже пятнадцать, а Джульетте было всего тринадцать, когда она полюбила Ромео.

– Да. Но ты учишься в советской школе. И вообще, так вести себя нельзя. На тебя смотрят...

Разговора не получалось. Алтынай вновь перебила его.

- А чего на меня смотреть? Пусть не смотрят! – и она упрямо блеснула глазами.

Заманжол остановился и хмуро взглянул на нее. Алтынай ответила красноречивым взглядом, говорившим: «Что смотришь? Я буду делать все тебе назло! Почему не хочешь быть со мной? Я же вижу, что нравлюсь тебе, я всем нравлюсь. Только ты непонятно почему упрямишься. Ну и ладно! Обойдусь как-нибудь без тебя, – парней хватает!»

Заманжол отвел взгляд на противоположный берег. Там равнодушно высились каменные громады, как бы давая понять, как мелки люди со своими чувствами и переживаниями. Легкий ветерок играл с локонами Алтынай. Она беспрестанно поправляла их и ждала. Ждала любви, ласки, надежды, – всего того, что было в ее воспитателе, но в чем он, по недомыслию, тогда ей отказал. Заманжол ушел, оставив Алтынай на берегу, бросив ее на произвол судьбы.

В тот вечер она вела себя необычно – повиснув на локте Тахира, неестественно громко смеялась его плоским шуткам; глядя осовелыми глазами, бросала грубые замечания. Заманжол не понял сначала, что с ней. Подошедшая старшая пионервожатая просветила его.

- Они сошли с ума! – процедила она, кивнув в сторону веселящейся пары.
- Что? В чем дело? – Заманжолу неприятно было смотреть в их сторону.
- Да они пьяны! Не видите, что ли?

Заманжол похолодел. Не поверив, он подошел ближе к Алтынай и понял, что старшая вожатая права. От Алтынай разило какой-то бормотухой, и ее заметно покачивало. Тахир держался прочнее, но и он был пьян. Заманжол схватил его за руку и выволок с танцплощадки.

- Чё те надо?! – заорал тот, а Алтынай, не отпуская его другую руку, тянула назад.
- Куда тащишь! – закричала она, – Отпусти!

Ее пьяный голос, развязный тон окончательно вывели Заманжолу из себя.

– Что ты с ней сделал! – вскричал он и вlepил Тахиру оплеуху. И сразу еще одну. Из носа Тахира хлынула кровь. При виде крови лицо Алтынай перекопилось, и она дико завизжала. Она подскочила к Заманжолу и сильно, обеими руками, толкнула его в грудь. Заманжолу стало не по себе от ее горевшего ненавистью взора.

- Сволочь! – кричала она, – Скотина! Гад! Не трогай его! Не трогай...

Заманжолу стало так плохо, так плохо, что он резко развернулся и пошел прочь, растолкав успевших окружить их ребят. Он ничего не видел перед собой, – все заслоняло разъяренное и перекошенное лицо Алтынай. И эта ненависть в глазах...

Заманжол долго бродил в темноте; забрался в какие-то заросли; спотыкаясь, цепляясь за ветки и шипы, долго продирался сквозь них, и, наконец, выбрался на берег. Он сел на валун у самой воды, и, разувшись, окунул ступни в теплые волны. Река продолжала свою шумную работу и ночью. Волны беспрестанно шуршали о гравий, стремнина плескалась, сверкая гребнями в те редкие минуты, когда ущербная луна выглядывала из туч.

Надвигалась близкая уже гроза; она посверкивала, грозя очень скоро настичь эти места. Какие-то ночные птицы проносились низко-низко, едва не касаясь головы крылами. Со стороны лагеря доносилась приглушенная расстоянием музыка. Там продолжались танцы.

Заманжол окончательно успокоился. Он понимал, что в произошедшем с Алтынай виновен отчасти и сам. Он вспомнил ее отчаянное лицо, когда она осталась одна на этом берегу.

– Милая моя, – шептал Заманжол, – Хорошая моя. Прости меня. Я люблю тебя, люблю! Но ты еще совсем маленькая. Понимаешь? Потерпи, ну потерпи немного. Разве я отказываюсь от твоей любви? Просто сейчас я не могу ничего, ты должна понять, ты требуешь от меня невозможного...

Заманжол разговаривал с Алтынай, и она в его воображении сидела рядом, все понимала и со всем соглашалась. Они улыбались друг другу, болтая ногами в воде.

Совсем близко ударила молния, и страшный треск вывел Заманжолу из задумчивости. Он решил возвращаться, – пора ложиться спать. Музыка уже не было слышно. Его внимание привлекли чьи-то голоса в стороне. Мужской голос словно уговаривал. Ему отвечал едва слышный девичий. Заманжол всмотрелся, но ничего не увидел, – луна надолго ушла за грозовые тучи.

«Кто бы мог так поздно гулять тут?» – подумал Заманжол. Потом угадал Тахировские интонации и все понял. Настроение вновь испортилось. Он хотел подойти и потребовать, чтобы Алтынай шла спать, но, вспомнив ее ненавидящие глаза, отказался от этого намерения.

– Да ну их! – Заманжол махнул рукой и бегом направился к лагерю. И тут до него донесся вскрик. Он остановился и прислушался. Все было тихо. Он не знал, что делать. Смутное беспокойство овладело им. Он колебался, не зная, точно он слышал крик или ему показалось. И только продолжил путь, как крик повторился, перейдя в протяжный вопль. Заманжол стремглав бросился обратно. Он летел напролом сквозь заросли, обдирая одежду и кожу.

– Алтынай! – кричал он, – Алтынай, я здесь, я сейчас!

Когда он выбежал на берег, то увидел следующую картину: Алтынай лежала, вопя и безуспешно пытаясь опрокинуть навалившегося на нее Тахира. Платье ее было задрано; ее обнаженные ноги белели в темноте. Вспышка молнии четко, до мельчайших подробностей осветила дикую картину насилия – Заманжол даже заметил темную кровь на бедре несчастной девочки. Эта на мгновение вырванная из тьмы сцена на каменных лежанках долго будет преследовать Заманжолу, а в тот момент от стоял, будто пораженный той молнией.

Ослепительный свет сменился крошечной тьмой; затем последовал страшный грохот, и с этим грохотом до Заманжолу дошло осознание того, что происходит. Он обезумел. С ревом дикого зверя набросился он на Тахира и, оттащив от Алтынай, начал остервенело бить ногами.

Алтынай притихла. Но когда Тахир, вырвавшись, убежал, и Заманжол подошел к ней, она заверещала, как безумная и, неожиданно вскочив, бросилась в реку!

Заманжол потом не смог простить себе тогдашней растерянности. Он потерял слишком много времени, пока соображал, что делать. Быстрое течение не ждало и успело отнести Алтынай на порядочное расстояние, когда, услышав ее крики, он бросился за ней. Заминка составила всего пару-тройку секунд; Заманжол плавал хорошо, но сильное течение и ночь не оставили ему шансов. Заманжол метался по реке, звал Алтынай, не переставая, но ее не было

слышно. Он понял, что упустил ее. Но еще долго, не веря, плавал и нырял, все более сносимый течением...

Обессиленный, он вернулся в лагерь. Мокрый, дрожащий, с дикими глазами, Заманжол представлял страшную картину. Фельдшер поставила ему укол, но он долго не мог прийти в себя.

Всю оставшуюся ночь всем лагерем искали Алтынай, и только когда рассвело, ее тело обнаружили двумя километрами ниже на порогах. Когда Алтынай принесли в лагерь, Заманжол не узнал ее – она была, словно статуэтка из слоновой кости. И в спутанных волосах ее зеленела тина...

Тахир бесследно исчез. Больше Заманжол не встречал его и ничего о нем не слышал. Он знал, что против Тахира было заведено уголовное дело, но разыскали его или нет, не знал. В лагерь приезжала милиция, Заманжол допрашивали, и по тому, что его впоследствии так и не вызвали в суд, он заключил, что Тахир не был пойман.

От приехавших родителей Заманжол узнал, что Алтынай была их единственным ребенком. Он чувствовал себя преступником, когда сбивчиво рассказывал им о той страшной ночи. Потом он ездил на похороны, и потом долго мучил себя бесполезными упреками.

Но время лечит. Вылечило оно и Заманжолу. Затянулась рваная рана на душе. Конечно, он не забыл совсем о Алтынай, но с годами все реже вспоминал, и лагерь, и начавший размыться образ той прекрасной девушки. Поэтому понятно, чем стал для него репортаж городского телевидения.

Все забытое вернулось с новой силой. Через два дня начинались занятия в школе, а мысли Заманжолу были заняты одним – нет ли новых сообщений о пациентке доктора Парфенова. И только освободившись, он мчался домой, к телевизору, все более укрепляя Балжан в мысли, что он как-то причастен к случившемуся с девушкой, найденной в зале ожидания железнодорожного вокзала.

7

Роман Владимирович, бывший до недавнего времени крепким, бодрым стариком, за время болезни сильно сдал. Он осунулся, стал горбиться и волочить ноги. Взгляд потух, появилась одышка. Аппетит пропал; он перестал есть, пил только черный кофе и воду. Им овладела апатия, впервые пришла усталость от жизни, впервые он почувствовал тяжесть своих лет. Он явственно ощутил приближение смерти и спокойно ждал, считая, что болезнь его – простая естественная старость.

Ему доложили, что на прием просится профессор Демидов. Роман Владимирович прошел в свой кабинет, в котором в последнее время бывал очень редко. Отставной начальник секретной лаборатории вошел и взглянул на престарелого друга с состраданием. Павловский сухо поинтересовался:

– Что ты хочешь сообщить мне?

Демидов замешкался, не зная, с чего начать.

– Говори прямо, без обиняков, – предложил Роман Владимирович, – я пожил достаточно, чтобы устать от этой жизни. Поэтому спокойно приму любое сообщение, даже если узнаю, что болезнь моя неизлечима.

– Да, ты прав, Роман. Тебе недолго осталось жить. Но у тебя не болезнь. Я установил, что ты отравлен.

При последних словах профессора старик встрепенулся. Доселе казавшийся равнодушным, он мгновенно преобразился – выпрямился, взгляд его прояснился, тело напряглось. Он весь подобрался, как зверь в минуту опасности.

– Отравлен? – вкрадчиво произнес он, – И кем же?

– Я не криминалист, и не могу сказать, кто отравил тебя, но то, что ты отравлен, а не просто отравился – это мне стало ясно, как только был выявлен яд. Проанализировав все данные обследования, я установил, что ты подвергся действию так называемого «препарата икс», синтезированного в нашей лаборатории в конце восьмидесятых.

– В вашей лаборатории?! – воскликнул правитель. А потом закачал головой:

– Не может быть!

– Роман! Прошу, выслушай меня внимательно. Ты должно быть в курсе, что «препарат икс» вызывает смертельное отравление, после чего быстро расщепляется и продукты распада в считанные часы выводятся из организма, не оставляя следов, так что анализы ничего не обнаруживают. Об этом наши СМИ растрезвонили после того скандала, помнишь, – из-за которого-то мне и пришлось подать в отставку. Нашли козла отпущения!

Демидов качнул головой, взглянул на своего друга, но не ощутил сочувствия. Да и впрямь – до сочувствия ли умирающему, тем более, что после тех событий прошло столько лет. Старик ждал, вперив свои белесые зрачки в собеседника. Профессор прокашлялся и продолжал:

– Большая доза препарата икс вызывает быструю смерть, а серия малых – медленное угасание. Следы этого яда невозможно обнаружить уже спустя час после приема. Но мои лаборанты все же сумели распознать вторичные продукты препарата в твоих анализах. К тому же симптомы при этом отравлении очень характерны, поэтому я могу позволить себе утверждать, что ты стал жертвой именно «препарата икс».

– Вот как. Медленное угасание... но для чего так отравлять?

Профессор Демидов лишь пожал плечами. Павловский тоже замолчал. Он поднялся, подошел к окну и взглянул на полосу прибрежных вод в стороне от порта. Некоторое время он стоял, словно уйдя в глубокую задумчивость, и вдруг резко обернулся, и смотревший ему в спину Демидов смутился. Павловский понимал, о чем тот думает. Точнее, – о ком. Старик

опустил голову и вернулся на свое место за столом. Но не стал садиться. Демидов был уверен, что теперь кое-кому не поздоровится, и к нему пришло запоздалое раскаяние за то, что решил просветить своего обреченного друга.

– Спасибо за сообщение, – сказал Роман Владимирович, – Я очень признателен тебе, ведь теперь мои последние дни будут наполнены смыслом. Я постараюсь найти своих убийц и должным образом их наказать. Можешь не беспокоиться – содержание нашего разговора останется в тайне. Я сегодня же распорядюсь о щедром вознаграждении...

Павловский вопросительно взглянул на профессора.

– Миллиона, я думаю, достаточно?

Демидов встал и протянул руку другу.

– Прощай, Роман, – сказал он, – Мы были друзьями, всегда поддерживали друг друга в трудные минуты, и я почел своим долгом сообщить то, что ты сейчас услышал. Мне хватает моей пенсии и доходов от моей клиники, так что не утруждай себя лишними хлопотами. Попрошу о другом. Обещай, – если будет хоть капля сомнения в виновности подозреваемых, ты не станешь наказывать их. Не бери напоследок греха на душу.

Вместо ответа Роман Владимирович только кивнул, и Демидов покинул кабинет. После его ухода был вызван начальник личной охраны Павловского Алексей Борн. За плечами Алексея были двадцать лет службы в охране президента компании. Борн верно служил Павловскому и ни разу последний не усомнился в полезности первого. Но с тех пор, как старик отстранился от управления компанией, он словно забыл о существовании своей «тени». И вот теперь Алексей вдруг понадобился ему. Между ними состоялся следующий разговор. Говорил в основном Роман Владимирович.

– Алексей, ты верно служил мне и никогда не подводил. Так же служил твой отец, а дед твой был соратником моего отца. Поэтому я хочу отблагодарить тебя. Я смертельно болен и скоро умру. Я завещаю тебе свою старую виллу на побережье. Но вызвал я тебя не для того, чтобы сообщить это. В последнее время я не беспокоил тебя и думал, что ты больше мне не понадобишься. Но возникли обстоятельства, вынудившие прибегнуть к твоим услугам. У меня мало времени, и я не могу объяснить, что произошло, да тебе и не нужно этого знать. Теперь слушай внимательно. Возьми своих ребят и привези ко мне моего зятя. Тома. И аккумуляторы там! Он мне нужен живым. Ясно?

– Так точно! – Алексей вытянулся, прищелкнул каблуками и, не мешкая, отправился выполнять задание. Роман Владимирович встал. Он почувствовал прилив сил. Он опять стал энергичным и властным хозяином компании, приказы которого выполняются немедленно и безоговорочно. Через час, а может и раньше, он сможет допросить зятя с пристрастием и заставит признаться в том, что он отравил своего тестя и заставит назвать имена заказчиков. А пока есть время поразмыслить о том, кто задался целью убрать его и для чего.

Он понимал, что Том стал пешкой в чьих-то руках. В том, что это зять отравил его, Павловский не сомневался – кто же, кроме Тома в его окружении имел в прошлом доступ к «препарату икс». Наверняка он запасся не одним комплектом смертоносного яда. Но кто же подвинул его совершить убийство собственного тестя? В первую очередь Роман Владимирович задался вопросом, кому выгодна его смерть. «Наверно, многим не терпится увидеть меня в гробу, – думал он, – Но кто конкретно заинтересован в моей смерти? Кантемир? Нет. Ему при мне было проще». Кантемир Шейхов возглавляет сейчас совет директоров. Роман Владимирович помнит, как часто тот жаловался на действия Надежды Романовны, являющейся формально главным менеджером, хотя все уже считали ее владелицей компании. Павловский знал, что Надежда терпит Шейхова только потому, что его поддерживает он сам. Не станет Романа Владимировича, контрольный пакет окажется в руках Надежды и она в тот же день отправит Шейхова в отставку.

– М-да-а – протянул Роман Владимирович, прохаживаясь взад-вперед, – Надежда уж наломает дров! Она уж развернется, как только обретет абсолютную свободу.

– Постой-постой! – воскликнул он затем, остановившись посреди кабинета, – Не она ли решила поторопить мою смерть?.. Да ну! Том – тот, да. С него станется. Но чтобы Надежда...

От этого предположения Роману Владимировичу снова стало плохо, и он бухнулся в кресло, как только добрался до своего стола. Он налил воды, звеня графином о стакан, расплескав половину на стол. Он начал пить и поперхнулся. Долго откашливался, наливаясь краснотой. К глазам прилила кровь и взгляд его, полумертвый, прикрытый тяжелыми веками стал совершенно страшным. Отдышавшись, он продолжил свои размышления.

«Нет, не должно быть, – думал он совсем неуверенно, – Да и к чему ей отравлять меня? Я завещал Наде все... да и к чему ей отравлять меня, когда она и так ворочает всеми делами от моего имени».

Раздался писк мобильного. Звонил Алексей Борн. Он доложил:

– Роман Владимирович, я исполнил ваш приказ. Я взял вашего зятя.

– Отлично! – крикнул в сотку старик. Настроение его вновь улучшилось.

– Вези его скорее ко мне! Сразу в подвал, в темницу, – добавил он и легко поднялся с кресла. Президент компании «Надеждинский порт» покидал кабинет, не чувствуя ни старости, ни болезни.

8

Как ни оттягивал Бекхан неприятное объяснение с Майрой, ему пришлось это сделать. Домашние пили вечерний чай, так и не дождавшись его. И первой при его появлении заговорила жена.

Майра располнела сверх меры, хотя вроде бы не было к этому причин; но полнота эта была какой-то нездоровой. Невзгоды последних лет оставили неприятный отпечаток на ее внешности. Все, что было привлекательного, увяло. Ее некогда симпатичное лицо приняло хронически недовольное выражение. Она часто брюзжала, по причине и без оной выговаривала мужу и детям. В большинстве случаев те предпочитали отмолчаться, ибо любое возражение могло вызвать катастрофическую истерику. Особенно, как можно догадаться, доставалось Бекхану. Майра считала его главным виновником всех бед, обрушившихся на их семью. И была, в общем-то, права – во все времена мужчина, муж несет ответственность за состояние дел в семье.

Бекхан наскоро ополоснул руки под рукомойником – сосулькой и подсел к чаю, стараясь не глядеть на жену. А та не отрывала взгляда от него с момента его появления. Она подала ему пиалу с чаем и задала вопрос, ставший началом судьбоносного разговора.

– Ты что-то припозднился. Сверхурочные были? – спросила она, словно приносиваясь.

– Нет, засиделся в кафе, – честно признался Бекхан, – С друзьями.

– В кафе! – воскликнула Майра и глаза ее сверкнули враждебным светом, – Я тут концы с концами не сведу, а ты по кафешкам гуляешь?! Кто из твоих собутыльников раскошелился в этот раз?

– Сколько раз тебе говорить – не называй моих друзей так! – голос Бекхана обреченно зазвенел.

– Буду называть! – рявкнула Майра и проговорила, пристукивая кулачком по столу при каждом слогe, – Со-бу-тыль-ни-ки! Со-бу-тыль-ни-ки! Друзья бы так не поступали. Так что вы там обмывали?

– Я обмывал... расчетные, – признался Бекхан, и, достав смятые деньги, протянул жене. Та с недовольством окинула его взглядом, но деньги взяла и, пересчитав, спрятала за лиф.

– Расчетные, говоришь? Что это значит?

– Это значит – мне дали расчет. Я уволился.

– Как?!

– Как увольняются? Написал заявление – и уволился.

– Почему? – взгляд Майры леденел с каждой секундой.

– Пришлось. Грозилась уволить по статье – к чему мне портить трудовую книжку?

– Но что случилось? Ты что, опять не поладил с начальством?

Бекхан молча кивнул. Майра изменилась в лице. Зайра с Алиханом – дочь и сын – переглянулись, мол, держись, сейчас начнется!

И началось! Майра буквально взорвалась, ее голос взлетел до самых высоких нот.

– Ты что! В своем уме, а?! Что это за мания, а! Ты не можешь спокойно работать, да?!

– Так не дают же! – оправдывался Бекхан, обреченно глядя мимо жены.

– Кто не дает! Ты сам не можешь жить без конфликтов. В тебе сидит какой-то бес и постоянно дергает за язык. Ладно, обо мне ты не думаешь. Но подумай о детях! Разве не видишь, в какой мы нищете оказались? И все из-за тебя! Из-за твоей мании выступать.

– Значит, я не думаю? И почему все из-за меня? Миллионы оказались в нищете – и все из-за меня?

– Мне нет дела до миллионов! Меня волнует наша семья, наши дети. Что они будут кушать, во что оденутся. Я уж не говорю о том, чтобы дать им образование. Но все это тебя не волнует, иначе ты бы так не поступал.

– Не говори так! Но подумай сама – что я могу? Не хочешь же ты, чтобы я лег костями на той дороге!

– Кто говорит о костях?! Работай нормально, как все. И держи свой язык за зубами.

– Я работал не хуже других. Только потребовал, чтобы давали обедать вовремя.

– Нет! Ты неисправим! – Майра всплеснула руками, – Ты думаешь иногда, что говоришь? «Потребовал!» Кто ты такой, чтобы что-то требовать? Кто ты такой, скажи мне пожалуйста?

Бекхан молчал. Зайра произнесла недовольно:

– Мам! Можно хотя бы раз посидеть спокойно перед сном?

– Чего ты мне говоришь? – накинулась на нее Майра, – Ты отцу скажи! Я-то работаю нормально, хотя и мне не сладко, хотя и мне хочется послать хозяина куда-нибудь подальше, хотя и со мной обращаются, как со служанкой. Но я терплю! Терплю и жару, и духоту, и это треклятое тесто, – нет уже рук месить его! Терплю мат, которым нас обкладывает хозяин за малейшую промашку. А почему? Потому что вы хотите есть хлеб каждый день! Так почему и ему не потерпеть?

– Как он смеет материть тебя? Завтра же пойду и разбе...

Бекхан не договорил – Майра взвизгнула так, что все вздрогнули.

– Не смей! Слышишь?! Не смей даже приближаться к пекарне! – голос Майры звенел на таких запредельных нотах, что Зайра заткнула уши.

– Не смей! – продолжала Майра, – Если и я потеряю работу, то нам останется только лечь и помереть!

На Майру неприятно было смотреть – глаза налились кровью, лицо побагровело и пошло пятнами. Бекхан боялся, как бы с ней не случился удар и поспешил успокоить жену.

– Ну, ты сгущаешь краски, – неуверенно сказал он, – Никто пока не умирает. Я найду работу – Заманжол обещал похлопотать, чтобы меня взяли в их котельную. Так что не надо устраивать трагедию.

– По-твоему, это не трагедия? – говоря это, Майра обвела вокруг пальцем и остановила его на дочери, – Посмотри, во что одета Зайра. Почему она торчит на базаре, когда ее сверстницы учатся в университетах? Да что там университет! Даже колледж нам не по карману!

– Пусть пеняет на себя! – сердито бросил Бекхан, – Если бы у нее были прочные знания, то училась бы по «гранту». С ее уровнем знаний нечего делать даже в колледже, не то, что в университете.

Зайра вспыхнула.

– Значит, у моих одноклассников было больше знаний, чем у меня? – произнесла она, едва не плача, – Да они все тупые! «Грант» Сание купил ее отец. Да, она сама так сказала! И я ей верю, ведь она постоянно списывала у меня. А другие? Все, кто со мной поступал, учатся, а ведь они набрали баллов меньше, чем я. Просто их родители могут оплатить учебу, а вы нет! Сейчас неважно, как учишься, лишь бы платил. Всем это известно, и только ты, как инопланетянин, ничего не знаешь.

В запальчивости Зайра не заметила, как сказала отцу «ты».

– Да все он знает! – Майра махнула рукой, – Просто не хочет признать, что всё вокруг живет не по его правилам, и что он не может изменить людей, а только упрямится впустую. А кому от этого плохо? Ему самому! Ну и нам вместе с ним.

– При чем тут это? – Бекхан поморщился, – Я отстаиваю свое человеческое достоинство. Я – человек, свободный человек, черт побери!

– К чему такие громкие слова? – язвительно заметила Майра, – Нет свободных людей, есть свободные деньги, которые и позволяют человеку стать независимым. А раз нет денег,

то и нечего рыпаться, вспоминать о своем человеческом достоинстве. Ты не умеешь жить, не умеешь ладить с людьми, с нужными людьми, только умеешь горло драть. А ведь только с их помощью можно обрести прочное положение и обеспечить семью. Если бы в свое время ты не конфликтовал с начальством, не вылетел бы из партии и может быть, не сидел сейчас в этой луже!

– Вспомнила тоже! Партия! Где она сейчас? Между прочим, и партия сохранилась бы, и Союз не развалился, если б тогда прислушались к таким, как я, а не гнали в шею. Да что теперь вспоминать об этом!

– Партии нет, а номенклатура осталась, и теперь благоденствует во всех банках и акиматах. А такие, как ты, как были дураками – неудачниками, так и остались!

Бекхан изменился в лице.

– Та-ак. Значит, я – неудачник?

– А то кто же? – презрительно поджав губы, ответила Майра вопросом, – Только и умеешь бить себя в грудь, а неумение жить прикрываешь своими сраными принципами, которые никому не нужны и по которым уже никто не живет. Кроме тебя и твоих неудачников-друзей.

– Не трожь моих друзей! – Бекхан сверкнул глазами, – Они ничего плохого тебе не сделали.

– Нет, сделали! Они внушают тебе мысли, которые вредят нам – мне, вот им. Может быть, ты бы и взялся за ум, если бы не они. Все хорохоритесь и выпендриваетесь друг перед другом, пыжась доказать, что вы не такие, как все, не замечая, что люди просто смеются над вами.

Слова жены задели за живое.

– Смеются? А зря! – Бекхан принялся защищать себя и друзей, – Потому что без таких, как Владимир и Заманжол, мир давно потонул бы в дерьме. Будь хотя бы половина людей такими, как они, давно жили бы при коммунизме, а не барахтались в этой трясине. А ведь оказались в нем по милости твоих «удачников». И в чем их удачливость? В том, что они не стесняются урвать побольше; в том, что они просто хапуги и воры! И им наплевать на вонь, что стоит кругом – они не замечают ничего, потому что сами давно провоняли насквозь! Я лучше сдохну с голода, чем соглашусь стать одним из них!

– Ну и подыхай! А мы хотим жить. И мы сможем прожить без тебя, – бросила Майра в разгоряченное лицо мужа. Бекхан словно наткнулся на невидимую преграду на всем лету. Он замолчал.

– Та-ак, – протянул он затем, – Ты гонишь меня, да? Значит, я больше не нужен? Попользовалась и выбросила?

– Да! Именно так! Попользовалась и выбросила! Потому что ты, вместо того, чтобы обеспечивать семью, занимаешься пустыми разговорами. Настоящие мужчины молча делают деньги, не ломая голову над тем, чем они пахнут. Их семьи живут в достатке, если не в роскоши, их жены путешествуют по всему миру, а дети учатся в престижных вузах. А тут не знаешь, из чего приготовить обед... – голос Майры дрогнул. Глаза ее наполнились слезами; две слезинки выкатились одна за другой и пробороzdили щеки.

Бекхана вдруг пронзила острая жалость. Всегда так – у Майры внезапные приступы слабости. Он забыл, что минуту назад почти ненавидел ее за безжалостные слова. Он попытался утешить, проведя рукой по ее начавшим сесть волосам.

– Ну, перестань, что ты, в самом деле, – сказал он, – Все еще наладится, потерпи...

Майра резко отмахнулась.

– Нет, хватит! – выкрикнула она, – Лопнуло мое терпение! Все! Хочешь валять дурака – валяй! Но без нас – мы сыты по горло твоими обещаниями. Либо ты возьмешься за какое-нибудь дело, либо я подам на развод. Уж буду знать, что не на кого надеяться, кроме себя самой. И нервы будут на месте...

– Значит, без меня будет лучше? – упавшим голосом произнес Бекхан и обратился к детям, – А вы что думаете? Или тоже считаете, что я вам мешаю?

– Никому ты не мешаешь! Но мама права – хватит разговоров! – напряженный голос Зайры выдавал ее волнение, – Пора приниматься за дело. Оглянись вокруг – все мало-мальски способные люди что-то делают, как-то крутятся. Ты же умный; ты намного умней всех этих коммерсантов и бизнесменов. Так почему не используешь свой ум, свои способности? Все боишься замараться, все носишься со своими принципами и убеждениями, как с писаной торбой.

Зайра уже вовсю «тыкала», возможно, посчитала, что серьезность момента оправдывает такое обращение к отцу. Но Бекхан в пылу разговора не заметил этого.

– Эх, дочка! – сокрушался он, – И ты туда же? Как ты могла забыть все, чему я тебя учил? Где книги, что я давал тебе читать? Где все наши беседы о жизни, о душе?

– Жизнь оказалась не такой, как в книгах тех написано, папа! Даже мне это понятно, как же ты не поймешь никак?

– Все ему понятно, – вставила Майра, – Просто упрямство не позволяет признать, что он оказался дураком со своими дурацкими принципами.

Бекхан пропустил ее слова мимо ушей и повернулся к Алихану.

– А ты чего молчишь? Ты тоже так считаешь?

– Разбирайтесь без меня! – недовольно бросил сын и, встав из-за стола, ушел в соседнюю комнату. И включил там телевизор. Все замолчали. Майра уставилась в окно, в котором, конечно, уже ничего не увидела, – сумерки незаметно перешли в полную темноту, так как в этой части города все фонари были перебиты хулиганами. Никто уже не хотел чаю, который безнадежно остыл.

Бекхан навалился на стол, положив на него локти. Зайра сидела, скрестив руки на груди, следя за световым яблоком, качавшимся в ее пиале.

Пауза затянулась. Из соседней комнаты доносились голоса героев латиноамериканского сериала, обсуждающих свои дела и проблемы. Бекхан вновь заговорил.

– Хорошо, – согласился он с женой и дочерью, – Крутиться – так крутиться! Ты права дочка, – у меня достаточно ума для этого. И я докажу, что я – не неудачник. Но, предупреждаю: за все придется платить. Я имею в виду не деньги. Как бы нам не пришлось жалеть после, как бы вам не пришлось каяться, что толкнули меня в это болото. Впрочем, лезть придется всем, – и тебе, Зайра, и твоей матери. И твоему брату.

– Ни в какое болото мы не толкаем тебя! – запротестовала Зайра, – Мы лишь хотим, чтобы ты отбросил устаревшую мораль и реализовал свой ум и способности легально. Не то еще угодишь в тюрьму, а потом будешь винить нас с мамой.

– Да, – поддержала ее Майра, – Никто не толкает тебя на преступление. Есть тысяча способов делать деньги. Нужно просто перестать болтать и взяться за один из них.

– Но из этой тысячи не реализовать ни одного честным путем, – возразил Бекхан, – Да, в тюрьму за это не посадят, но то, чем мне придется заняться, может вызвать тошноту. Сейчас вам невозможно что-либо доказать, это для вас болтовня. Но, возможно, когда-нибудь вы пожалеете об этом разговоре. И может быть, тогда покажется раем наша сегодняшняя жизнь, – пусть бедная, пусть нищая, но, в общем-то, счастливая.

Майра фыркнула. Она уже успокоилась, справилась со своей слабостью.

– Я прямо свечусь от счастья! – сказала она, театрально разведя руки, – Я прямо сияю! До чего может договориться человек, а?! Иди ты! С тобой невозможно говорить.

Майра встала; тяжело ступая грузным телом, переместилась туда, где кипели заокеанские страсти, и улеглась на диван, согнав с него Алихана. Проводив ее глазами, Бекхан обратил взгляд, в котором еще теплилась надежда, на дочь.

– Дочка, подумай над моими словами...

– Может, я чего и не понимаю, папа, но что нашу жизнь никак не назвать счастливой, поймет даже ребенок. И мне кажется, что подумать нужно как раз тебе.

С этими словами Зайра встала и начала прибираться. Она действовала быстро, движения ее были легки и точны. Она ни разу не звякнула посудой. Бекхан следил за передвижениями ее ладной фигурки, любясь ее высоким лбом и ясными глазами, выказывающими его кровь, и думал: «Почему существует непонимание между близкими людьми? Ладно, Майра, хотя и прожили вместе столько лет, так и осталась чужой. Но Зайра-то, Зайра! Вроде воспитывал с пеленок, старался вложить всю душу, а оказалось, – глухая стена! И что теперь делать? Нужно решаться, на что-то решаться. Не то и впрямь придется перебираться к Володе. По всему видать, Майра настроена решительно. И она чувствует поддержку детей. Как я буду жить без них? Зачем тогда жить? Нет, нужно что-нибудь придумать. Но что? Майра говорит о тысяче способов, но все они сводятся к одному – оттяпать, отнять хитро и нагло то, что есть у других, заставить работать на себя бедолаг вроде себя, вроде Владимира или Заманжолы...»

Убрав посуду в буфет, Зайра присоединилась к матери и брату, а Бекхан остался сидеть за столом в тяжелых раздумьях о дальнейшей жизни.

9

Выйдя из машины Заманжолы и направляясь в свою комнатку в общежитии, Владимир не мог и помыслить, что скоро произойдут события, которые захватят его в свой водоворот, как отломанную и брошенную кем-то веточку, брошенную, чтобы посмотреть, затянется ли она в глубину или она удержится на плаву. Он жил обыденной жизнью, порядочно поднадоевшей в мелькании однообразных дней, наполненных мелочной суетой, не подозревая, что скоро ему придется напрячь все силы, чтобы одолеть неведомых пока врагов.

Душа его томилась от рутины повседневных забот, бессознательно рвалась неизвестно куда, словно чувствуя, что судьба готовит совершенно другую жизнь, неотвратимо надвигающуюся, словно бушующее торнадо, и уже пытающуюся краешком, пока только краешком зацепить безработного «утописта».

Владимир размышлял о серости своего существования, на сумеречном небосклоне которого пока еще сияли его друзья и дочь. Ему казалось, что он оказался за обочиной, в кювете, забитом всяким хламом, выброшенным на ходу из уважаемых иномарок «хозяев жизни», пронесшихся мимо по широкому жизненному шоссе. Владимир ясно сознавал, что ему уже ничего не светит в оставшейся жизни. Заводить новую семью поздно, как он считал. Да и что он мог предложить женщине, если бы и нашлась согласная выйти за него? Не говоря уж о детях, которые могут появиться. Он и Алене не смог ничего дать. Учебу ее будет оплачивать теперешний муж Татьяны. Нет, о вторичной женитьбе не может и быть речи. Он не хочет больше экспериментировать.

Да, он строил планы об организации рабочего движения. Но пока не нашел ни одного единомышленника. Что уж говорить о других, когда даже друзья убеждены, что идеи его – несбыточная утопия.

Иногда ему казалось, что он тонет в трясины и барахтанья его тщетны – болото жизни неминуемо засосет; и только неистребимый инстинкт самосохранения заставляет держаться на поверхности. Но, рано или поздно, он обязательно будет поглощен вонючей пучиной, – разве что чудо вытащит его оттуда. И мысли о никчемности своего существования, о целесообразности одним ударом покончить счеты с жизнью все чаще одолевали его, особенно, когда он оставался один, или когда в мутные часы глубокого похмелья его терзали когти жестокого сплина. Возможно, поэтому он круто повернул у самого подъезда и направился к своему бывшему дому, надеясь, что Алена дома, не ушла на дискотеку или еще куда-нибудь – как девушке сидеть дома в такие часы?

Ему пришлось порядочно пройти по ночному городу. Во дворах играла музыка, слышались голоса и смех молодежи, заглушаемые порой ревом въезжающих и выезжающих машин и их разнообразных сигналов – то мелодичных, как квартирные звонки, то похожих на звук сирены полицейской машины, а то пронзительных и мощных, как свисток локомотива. Владимир автоматически ориентировался в темных закоулках, направляясь наискратчайшим путем к дому, где прожил столько счастливых лет.

Вот и сам дом, вот знакомый всеми настенными росписями подъезд, пара лестничных маршей и дверь. Владимир остановился перед ней, переводя дух, и к нему подкрались сомнения. Дома ли Алена, и одна ли она? А вдруг столкнется с Татьяной? В какой-то момент Владимир готов был развернуться и уйти, но взял себя в руки и позвонил.

Дверь неожиданно быстро открылась, как будто там только и ждали звонка. За порогом стоял незнакомый пожилой мужчина с лысой головой и в очках с толстыми линзами, которые сильно увеличивали глаза, так, что они казались глазами какого-то фантастического существа, впервые встретившегося с человеком, отчего так внимательно рассматривают его.

Зрелище этих гигантских глаз так заворожило Владимира, что он забыл поздороваться. Незнакомец догадался, кто перед ним, и без расспросов посторонился, давая пройти.

– Здравствуйте, – поздоровался он и представился, – Семен Игнатьевич Марков. А вы, значит, Владимир Михайлович Павлов?

Семен Игнатьевич с ходу не понравился Владимиру, но он пожал его пухлую руку и ответил на приветствие. Затем представился:

– Владимир, просто Владимир.

В прихожую выглянула Татьяна. Она была, как всегда, когда ходила в доме, в халате, но только в новом, более роскошном и дорогом. Весь ее вид отличался от прежнего – сиял лоском, в движениях и осанке появилась степенность. В глазах – высокомерие.

– А-а, ты? Чего надо? – неприязненно справилась она.

– Что, нельзя переступить порог собственной квартиры? – вызывающе взглянул на нее Владимир.

– Она давно уже не твоя, – отрезала Татьяна.

– Давайте не будем ссориться, – покровительственным тоном произнес Семен Игнатьевич и гостеприимно пригласил Владимира в гостиную. Татьяна, поджав губы, уплыла на кухню. Семен Игнатьевич жестом предложил Владимиру расположиться в кресле, усаживаясь сам в другом. Он убрал звук телевизора, и человек в белом халате на экране зашевелил губами беззвучно.

Марков ждал, что скажет гость, пока Владимир с интересом рассматривал изменившуюся обстановку квартиры. Вернулась Татьяна и демонстративно присела на подлокотник, положив руку на плечо своего теперешнего мужа. Владимир усмехнулся.

– Где Алена? – спросил он.

Татьяна презрительно фыркнула и отвела глаза. Ответил Семен Игнатьевич, раздражая своим тоном.

– Вы не беспокойтесь, она сейчас придет. Вы курите? – и он пододвинул к Владимиру пачку дорогих сигарет по столику, стоявшему между креслами.

– Спасибо, у меня свои, – сухо отказался Владимир. Потом задал первый пришедший на ум вопрос:

– Вы работаете?

Татьяна вновь фыркнула над глупым, по ее мнению, вопросом.

– У меня свой магазин, супермаркет «Идиллия», – не без гордости сообщил Семен Игнатьевич, – Наверное, бывали?

– Нет, даже не слышал о таком, – специально соврал Владимир и посмеялся про себя реакции Татьяны, прошедшей по нему уничтожающим взглядом.

– Вы не беспокойтесь, я не собираюсь здесь жить, – продолжал Семен Игнатьевич, – У меня своя квартира в центре. Четырехкомнатная. Мы с Татьяной решили оставить эту квартиру Алене.

– Вот как! Очень любезно с вашей стороны, – вложив всю иронию, на какую был способен, весь сарказм в эти слова, Владимир встал и поклонился, – Благодарю за доброту!

– Не паясничай! – подала голос Татьяна, – Благодаря Семену Игнатьевичу нам не придется ютиться в этой квартире. И благодаря ему же твоя дочь будет учиться в университете.

– Татьяна, не надо так, – заскромничал довольный похвалой Марков, – Как я понял, у Владимира Михайловича есть некоторые права на эту квартиру и хочу сказать, что не думаю покушаться на них.

И распорядился, с видом хозяина взглянув на Татьяну:

– Знаешь что! Вскипяти-ка чайку, посидим с гостем и поговорим обо всем спокойно.

Татьяна нехотя встала, чтобы исполнить его просьбу, но Владимир отказался.

– Не нужно беспокойства. Я сыт, только что из кафе. Я не собираюсь предъявлять права на квартиру. Просто зашел повидаться с Аленой, узнать, все ли хорошо у нее.

– У нее все отлично. С отчимом ей повезло больше, чем с отцом, – сказала Татьяна.

– Татьяна, зачем ты так, – Семен Игнатьевич взглянул на нее с деланной укоризной, – Владимир Михайлович не виноват, что ему не повезло в жизни.

Владимира передернуло от этого замечания.

– Зато мне повезло в другом, – возразил Владимир.

– И в чем же? В том, что можешь бесконтрольно жрать водку? – съехидничала Татьяна.

– Во-первых, я избавлен от твоей ехидной мордочки, – бросил ей в лицо Владимир, а потом кивнул в сторону ее нового мужа, – А во-вторых, мне не придется каждый день лицезреть эту самодовольную рожу!

Бывшие супруги обменялись ненавидящими взглядами. Благодушие покинуло оскорбленного Семена Игнатьевича.

– Мало того, что вы неудачник, так еще и хам! – он засверкал своими фантастическими глазами, – И я тоже счастлив, что не имею ничего общего с вами.

И он поднял руку с пультом и добавил звук телевизору, взывшему голосом певца из какого-то клипа. Владимир встал и, не попрощавшись, покинул квартиру. В подъезде он столкнулся с Аленой.

– Папа! – радостно вскрикнула она, бросаясь на шею, – Здравствуй! Ты от нас? Что, мама не впустила?

– Нет, я сам ушел. Невыносимо находиться в обществе кретинов, упивающихся своим благополучием. Поздравляю с зачислением в университет! Татьяна говорит, что это благодаря твоему новому папе.

Радостное выражение на лице дочери погасло.

– Он мне не папа! – зазвеневшим голосом произнесла она, – Я от него не возьму ни копейки. У мамы своих денег хватает. И вообще, мы не будем теперь жить вместе. Мама перейдет к нему, а квартиру оставят мне. И я хочу, чтобы ты вернулся.

Взгляд Владимира потеплел.

– Спасибо, не надо, – отказался он, – Я уже привык один. К тому же Татьяна так разволнуется, что нам обоим будет тошно.

– Мне будет скучно одной...

– Вряд ли тебе придется долго скучать, – улыбнулся Владимир, – Вон какой красавицей стала! И я не хочу быть тебе помехой.

– Ты никому не можешь быть помехой, папа!

– Уже был! Твоей матери, например...

– Прости ее, папа. Может еще пожалеет, что так поступила с тобой, что променяла тебя на дядю Семена. Я лично не выйду за такого, как он.

– Да? А за какого ты выйдешь?

– За такого как ты, папа!

– Ах ты, дочурочка – чурочка моя! – вспомнив, как обзывал ее в детские годы, расстроганно пробормотал Владимир, – Спасибо! Оставайся всегда такой и никогда не принимай философию обывателей.

– И ты держись, папа! – чуть не плача попросила Алена, – Помни, что у тебя есть я, и что ты мне нужен.

Тугой ком подкатил к горлу Владимира, и глаза предательски заморесли. Он резко отстранился от дочери и выбежал на улицу. Он шел, не разбирая дороги, и бормотал:

– Я не отчаиваюсь, дочка... я не отчаиваюсь. Я еще повоюю!

10

Сколько б ни прошло лет, не забудется особая атмосфера первого звонка. Наверное, нет человека, будь то ученик, родитель или учитель, кто не испытал бы в этот день особого волнения, кто, вдохнув аромат сотен цветов, не оказался бы в плену радостного возбуждения.

Наступил этот день, и Заманжол с женой и дочерью приехал в школу. Только он один, пожалуй, не улыбался и не смеялся беспричинно в этом, полном разряженным народом дворе. Все последние дни с его лица не сходила задумчивость, которую Балжан истолковывала по-своему – она знала, какие непростые отношения сложились у мужа с директрисой, и подозревала что в новом учебном году они вряд ли изменятся в лучшую сторону. Но она не знала, что Заманжол не доработает в этой школе даже до Нового года, тем более не могла предположить, что ко времени последнего звонка они будут жить врозь. Это все будет потом, а сейчас, ничего не подозревающие супруги, держа свою дочь за руки, вступили в школьный двор, гудящий сотнями голосов.

Оставив Амину на попечение жены, Заманжол пошел разыскивать свой класс, для которого предстоящий год был выпускным. Собрав своих учеников, он выстроил их в общий ряд, так как объявили построение. Ребята толкались и шумели, как первоклашки. Они без конца шутили со своим классным руководителем, не замечая его настроения.

Праздничное построение напомнило Заманжолу торжественную линейку при открытии того лагерного сезона, когда он впервые увидел Алтынай. Да, нет теперь пионерских галстуков, алой кровью разливавшихся на белых блузках, так шедших некоторым ученицам...

Заманжолом овладело ощущение, что Алтынай здесь, что она где-то рядом и обязательно подойдет, тронет за руку и улыбнется своей незабываемой улыбкой. Он с трепетом оборачивался всякий раз, когда его кто-нибудь задевал ненароком; и сердце ныло разочарованно, оттого, что это не она, не его юная Алтынай.

Заманжол заметил юношу и девушку, стоявших рядышком. «Это новенькие, – отметил мысленно он, – Наверное, брат и сестра». Он так подумал, потому что новенькие старательно держались вместе, и Заманжол находил в них неуловимое сходство. После линейки он познакомился с ними, они сели за одну парту. Оказалось, что он ошибся – Шокан и Анара не были братом и сестрой, но они перевелись из одной школы. Заманжол узнал потом, что гороно разрешил перевод по просьбе их родителей, – те мотивировали свою просьбу тем, что не нашли общего языка с руководством прежней школы. И печально усмехнулся – можно ли найти этот общий язык с Дарьей Тирановой?

Директриса вызвала Заманжола к себе и предупредила, чтобы он был внимательным к новеньким и чтобы сразу доложил, если те не будут вести себя должным образом.

– Присматривай за ними в оба! – добавила она, напустив на себя побольше строгости, – Ты понял меня?

Она ко всем подчиненным обращается на «ты», это для нее в порядке вещей. Ее пренебрежительное тыканье всякий раз коробит Заманжола, и он так и не смог привыкнуть к такому обращению. Это вульгарная фамильярность часто становится причиной его резкой реакции на слова начальницы, реакции, всегда приводящей к конфликту. А в этот раз Заманжол отреагировал особенно резко.

– Нет, не понял! – отрубил он, – Я что, по-вашему, должен шпионить за ними?

– Почему ты вечно выделяешься, а? – попыталась урезонить его присутствовавшая тут Бота Хасеновна, – Кто просит тебя шпионить? Вообще было произнесено это слово?

– Есть немало слов, с помощью которых можно дать понять, о чем идет речь. Тебе это должно быть известно, ведь ты преподаешь словесность, – отшил ее Заманжол.

– Да с ним невозможно разговаривать! – возмутилась Тиранова, – Дело кончится тем, что я поставлю вопрос ребром – либо я буду работать в этой школе, либо он! Пусть решает гороно, кто им больше нужен.

– Я всегда считал, что нужен детям, а не гороно, – едко заметил Заманжол, – Остается только пожалеть вас, раз в вас нуждаются только чиновники.

– Да?! Хорошо, я передам твои слова этим чиновникам. Там очень им обрадуются, – пригрозила директриса.

– Делайте, что хотите, Дарья Захаровна. Стучать вам не впервой. Для меня главное – быть нужным нашим ученикам. И чтобы они не сомневались в моей порядочности.

– Да ради бога, Заманжол! Кто покушается на твою порядочность? Мы хотим, чтобы ты отнесся внимательнее к новеньким, ведь мы не знаем, что это за люди. Почему они перевелись к нам? Согласись, это вызывает подозрение, – затараторила завуч.

– Нет, не соглашусь! – осадил ее Заманжол, – Я никогда не отношусь к ученикам с подозрением. Наоборот, добиваюсь взаимного доверия. Мне неинтересно, что у них там произошло. Здесь они должны чувствовать себя равными среди равных.

– Скажи Заманжол, зачем нужен директор, если учителя не будут выполнять ее поручений? Ты не ставишь нас с Ботой ни в грош! Для чего тогда мы здесь? – Тиранова еле сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

Заманжол хмыкнул.

– Дарья Захаровна, вы – администратор. Вот и решайте административные задачи, а не организовывайте слежку за каждым учеником. А Бота Хасеновна должна заботиться о правильной постановке учебного процесса, а не насаждать подозрительность. Если вам непонятны ваши обязанности, то зачем беретесь за них?

Директриса побагровела.

– Да он просто издевается над нами! – взвизгнула она, – Он нагло смеется... нам в лицо!

Потом добавила, сжигая непокорного учителя огнем ненависти в своих блеклых глазах:

– Обижайся – не обижайся, но на первом же педсовете я поставлю вопрос о лишении тебя классного руководства.

– Воля ваша, – пожал плечами Заманжол, – Если вы о тех деньгах, что я получаю за классное руководство, то знайте – меня вы этим не испугаете. Для своих учеников я все равно останусь классным руководителем. И вы не сможете запретить общаться с ними. Что вы еще хотели сказать? – он постучал пальцем по часам, – Мне пора на урок.

– Вижу – ты сейчас ничего не боишься. Но когда я выставлю тебя из школы, прошу не бегать за мной с запоздалым раскаянием. Подумай, пока еще есть время, – бессильно пристукивая костяшками пальцев по столу пригрозила Тиранова.

– Избави меня бог от такой участи! – воскликнул насмешливо Заманжол, покидая кабинет. Забежал в учительскую за журналом и встретился с напряженным взглядом Балжан. Она догадалась по его лицу, что опять между ним и Дарьей Захаровной произошла стычка. Заманжол уловил укориэну в ее взгляде. Балжан хотела что-то сказать, но не успела – Заманжол схватил журнал и поспешил на урок.

Как всегда звонок не утихомирил класса. Он гудел от голосов. Кто-то прохаживался в проходе между партами, кто-то залиристо смеялся. Но при появлении Заманжола возня и шум прекратились, и прохаживающиеся заняли свои места.

Заманжол замер на секунду за своим столом и с высоты своего роста оглядел стоящий класс. Кивнув, усадил детей и сел сам. Он отметил про себя, что новенькие по-прежнему вместе и сидят за самой дальней партой. Заманжол понимал их стремление уединиться, укрыться от любопытных глаз, и, чтобы приободрить, улыбнулся им. Анара ответила лучезарной улыбкой, и Заманжол только теперь понял, как она красива. Красота некоторых женщин проявляется только тогда, когда они улыбаются. Шокан нахмурился и ревниво одернул соседку.

Заманжол Ахметович не мешкая перешел к теме урока. Ученики хорошо усвоили его золотое правило; он сумел внушить им уважение ко времени, и они никогда не растрчивали его на всякие кривляния, на ненужные и бестолковые вопросы, на пустые препирательства с учителем, которого уважали за открытость и искренность, за равноправие между ними, за его неограниченный кругозор и эрудицию, просто за обаяние, заставляющее расположить к себе самого отчаянного сорвиголову. Импонировало еще одно качество этого учителя – при почти поголовной подозрительности, насаждавшейся в школе Дарьей Тирановой и ее «шестеркой», как давно окрестили Боту Хасеновну школьные остряки, он одаривал каждого абсолютным доверием, которое трудно было не оправдать. И общественное мнение учеников бдительно стояло на страже авторитета любимого учителя, и никто не смел ему пакостить. Но таких и не находилось. Даже самый трудный ученик отзывался на уважение к себе и доверие, и старался ответить тем же.

На этот раз темой урока была наследственность. Заманжол Ахметович рассказал о генетическом материале, хромосомах и механизме наследования. Об опытах монаха Менделя, о печальной участи советских генетиков в сталинские времена. Закончив объяснять, задал обычный вопрос:

– Вопросы есть? Кому что не ясно?

Руку поднял Азамат, любивший задавать каверзные вопросы. Частенько он вгонял в краску молоденьких учительниц и практиканток своими неожиданными замечаниями. Конечно, этот «номер» не проходил у Заманжол Ахметовича, который спокойно отвечал на любой вопрос.

Вопрос Азамата только косвенно касался темы урока, и учитель мог бы отмахнуться от него. Не позволяя ученикам увести себя от обсуждаемой темы, он, тем не менее, старался ответить на все вопросы, возникающие на уроке. Если не было времени, он предлагал остаться после уроков, и, как правило, оставался весь класс, и ответ на вопрос превращался в увлекательный диспут на разнообразнейшие «жизненные» темы. Заманжол Ахметович разъяснял, что мог разъяснить, но, если чего не знал, честно признавался, что не знает, и ученики с пониманием это признание принимали. Итак, Азамат задал вопрос:

– Вы сказали, что в формировании генетического материала зародыша участвует генетический материал обоих родителей. Это понятно. Понятно и то, что материал этот содержится в половых клетках мужчины и женщины. Но каким образом половые клетки мужчины попадают к половым клеткам женщины? Вот что интересно! И почему все стыдятся говорить об этом?

Азамат оправдал напряженное ожидание класса. Ученики задвигались, зашущукались, захихикали. Заманжол Ахметович кивнул, и Азамат, довольный произведенным эффектом, сел, оглянувшись многозначительно на новенькую. Анара оценила его «выступление» и одарила своей красивой улыбкой, и вновь Шокан одернул ее и сердито что-то зашептал. Внимание класса сосредоточилось на учителе. Ученики ждали, как он ответит на щекотливый вопрос.

– Нет, и не может быть ничего стыдного во взаимоотношениях полов, – заговорил ровным голосом Заманжол Ахметович, – В силу некоторых соображений многие народы издревле рассматривали секс как греховное действие, но мы с вами просвещенные люди и понимаем, что эти взаимоотношения жизненно важны и человечество никогда не откажется от них.

– Нет, и не может быть ничего стыдного в человеческом естестве, в устройстве и функционировании его организма. Я отвечаю на вопрос Азамата, но уверен, – здесь нет никого, кто бы не знал, как происходит оплодотворение. Народ сейчас просвещенный. Для сравнения скажу, что в вашем возрасте я серьезно полагал, что дети появляются в результате поцелуя.

Ученики засмеялись.

– Да-да! – продолжал их учитель, улыбаясь, – А все потому, что в советских фильмах влюбленные целовались, после чего у них появлялся ребенок. Создатели фильма надеялись,

что зрителям понятно, что происходит с героями после поцелуя. Но я-то не знал! И считал поцелуй прямой причиной появления детей.

Такие искренние признания способствовали возникновению доверительных отношений между ним и учениками; Заманжол Ахметович заметил, что новенькие смотрят на него уже с интересом.

– Я несколько отвлекся, – продолжал он, успокоив расшумевшийся класс, – Так вот, половые клетки мужчины – сперматозоиды...

И он спокойным, ровным голосом рассказал обо всем, что интересовало Азамата, а потом закончил так:

– Вот и все. Весь этот процесс естественен и необходим. И ничего стыдного или порочного в половом акте нет, если речь не идет об извращениях. Половой акт необходим людям так же, как, например, прием пищи.

– А почему тогда сексом занимаются скрытно? – спросил кто-то с места.

– В ходе исторического развития у многих народов выработалось табу на публичное проявление чувств и половых взаимоотношений. Причина этого, по-моему, в том, что человек, как только осознал себя разумным существом, старался как-то отгородиться, дистанцироваться от животных, совокупляющихся открыто.

Во второй половине двадцатого века в западных странах произошла сексуальная революция. Ну, и у нас в последние десятилетия. Секс стал темой дискуссий в обществе. Есть люди, ратующие за внедрение публичного секса. Я считаю, что делать этого нельзя.

– А почему? – спросила Катя, симпатичная, но немного тяжеловесная ученица – Раз получается, что секс то же, что и прием пищи.

– Катерина! – воскликнул Азамат, – Ты что, хочешь публичного секса? А с кем, если не секрет?

Класс опять оживился.

– Пошел ты! – огрызнулась Катя, – Уж точно не с тобой!

– Ребята, прекратите! – призвал к порядку Заманжол Ахметович, – Задали вопрос – слушайте. Я думаю, занятие сексом прилюдно не принесло бы вреда, если к нему отнестись спокойно, как, например, в столовой мы смотрим, как люди едят. Но, большинство к этому не готово, и если сейчас утвердить такую практику, то многие воспримут ее как сигнал к сексуальной вседозволенности и распушенности. Последствия могут быть непредсказуемыми. И потом, ведь нет необходимости, жизненной необходимости совершать открыто половой акт. Пока что человечество успешно размножается, не выставляя напоказ то, как оно это делает. Да и для нормального оплодотворения оптимальной является все же интимная обстановка, когда партнеры не чувствуют никакого напряжения. В идеале секс – проявление любви, неотъемлемая часть взаимоотношений любящих, их тайна. Так почему нужно посвящать в нее посторонних? И нельзя опошлять такие серьезные, святые вещи! Нельзя превращать в забаву, в развлечение. Секс – это таинство, и совершать это таинство публично – по меньшей мере глупо.

Люди всегда упрощают жизнь, стремятся все разложить по полочкам, расчленив нерасчленимое. Вот это любовь, чистая, возвышенная, воспетая поэтами, а это – плотская, греховная, грязная, иначе говоря, секс. Но, жизнь все же другая. И настоящая любовь – сложная взаимосвязь возвышенных чувств и плотских утех. Платоническая любовь без секса неполноценна. Ведь даже любовь между родителями и детьми сопровождается взаимными ласками. А уж между мужчиной и женщиной подавно!

У Джека Лондона есть рассказ, в котором приводится история о супругах, решивших не приземлять свою любовь сексом, чтобы сохранить чистоту и свежесть своих чувств. Они уговорились не прикасаться друг к другу и постоянно сгорали от желания, а ничего не подозревавшие друзья восхищались ими, видя в их ежеминутном взаимном стремлении Великую Любовь.

Но, закончилось все трагедией – в одно несчастное утро супруги взглянули друг на друга, и поняли, что стали чужими. Любовь их умерла, «перегорела» без «топлива» секса, без подпитки взаимными ласками. Муж умер спустя несколько дней, не вынеся мук безлюбья. Вот так!

Ученики внимательно слушали своего учителя. Заманжол смотрел в ясные и светлые глаза, говорившие о том, что они все поняли и всему поверили. Вот приглушенные грустным рассказом, но готовые в любой момент взорваться озорством глаза Азамата; вот темные-темные вишенки зрачков Алтыншаш; вот вечно хмурый взгляд тетки – Заманжол Жандосова; вот неистребимым весельем затопляют класс лучистые глаза Сауле. Наташа, как обычно, глядит в окно, но Заманжол Ахметович знает – она не пропустила ни одного слова и все запомнила.

Шокан и Анара часто переглядываются. Заманжолу уже ясно, что они – влюбленные. Взгляд Анары словно говорит: «Нет, мы не допустим, чтобы такое с нами случилось. Правда, Шокан?» И глаза Шокана подтверждают: «Конечно! Я буду всегда любить тебя! Я буду любить тебя по-настоящему!»

11

Роман Павловский сидел в своей собственной частной темнице. Да-да, в подвале старинного дворца, купленного еще его отцом, Владимиром Михайловичем, имелась небольшая тюрьма с несколькими камерами и... с комнатой пыток. Бывали в прежние смутные времена враги у основателя компании «Надеждинский морской порт», и некоторые пытались совать ему палки в колеса, всякого рода саботажники и диверсанты, и ему приходилось самолично допрашивать этих деятелей, мешавших ему строить порт. Приходилось и ломать их, истязая в камере пыток, чтобы выбить нужное признание или для того, чтобы заставить выступить с публичными свидетельствами против своих нанимателей-хозяев, которые не могли спокойно смотреть на успехи бизнесмена-пришельца. Всякое бывало прежде, что ж теперь о том вспоминать...

Роман же Владимирович, как цивилизованный человек, воспитанный в демократическом духе, не пользовался этой темницей, хотя по его указу подвал и все его помещения всегда поддерживались в хорошем состоянии. Бывало, что и он велел доставить в камеру пыток какого-нибудь ретивого журналистишку, который, отрабатывая заказ конкурентов, не давал нормально жить и трудиться. Чтобы пострадать, просто пострадать. Пребывание в мрачных казематах, вид крючьев, цепей и щипцов для дробления костей действовал безотказно, и бедный работник пера сдавал своих нанимателей, и у него навсегда отбивалась охота писать грязные пасквили в адрес Романа Владимировича и его компании.

Зятя доставили прямо в комнату пыток, где его уже ждал грозный тесть. Том был бледен, как смерть. Его руки за спиной были в наручниках. Он с ужасом разглядывал ржавые крюки и цепи, нависавшие над ним, бросал быстрые взгляды на запыленные полки с рядами щипцов разной величины и булавок для подноготных пыток. Его лицо покрылось крупными каплями пота, и Роман Владимирович видел, как трясутся у него поджилки.

– Что ж ты, засранец, так трясешься? – сказал он насмешливо, подходя вплотную к зятю, – Или страшно стало?

– Р-роман В-владимирович, я... я ничего не понимаю... – залепетал Том, – Что это все значит? Что это за помещение?

У бедного Тома бегали глаза, он поминутно оглядывался на массивную железную дверь, за которым скрылся Алексей Борн со своими помощниками, доставившие его в это страшное подземелье. Он изо всех сил старался сохранить спокойствие, но самообладание покинуло его, как только он вошел сюда.

– Это камера пыток, – отвечал Павловский и, поддев крюком за наручники на запястьях зятя, взялся за рычаг лебедки, – Сейчас я буду тебя пытать.

– З-за что, Роман Владимирович? Или это шу-шутка... т-такая? – Том с ужасом смотрел на цепь, которая с ржавым хрустом пошла вверх, задирая руки за спиной.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы я шутил? Нет, Том, я буду тебя пытать. Первым делом вздерну на дыбу, а потом примусь дробить кости вот этими щипцами.

И он взял в руки самые большие щипцы и подошел к зятю, который стоял теперь в нелепой позе, весь изогнувшись, навтыжку на цыпочках.

– Не скажешь, кто надоумил отравить меня – значит, придется дробить твои кости, одну за другой, одну за другой!

– Да вы что, Роман Владимирович! С чего вы взяли, что я мог вас отравить? Кто вам сказал такую чушь?

– Никто. Я сам знаю. И даже знаю, что ты мне подсыпал. Препарат икс. Слышал о таком?

Том при этих словах покачнулся. Свет в его глазах померк, и если б он не был подвешен, то наверняка бы упал. Он-то знал все об этом препарате. «Как же старый хрыч узнал обо всем, –

лихорадочно думал он, – Надя? Не может быть! Ведь это ее идея, это она решила избавиться от старика. Но что же теперь делать – он обо всем знает. Неужели Надя решила сдать меня? Да, да, по всему это так. Шлюха! Хочет сойтись с этим Крымовым. Тоже сволочь... та еще! Не иначе, что это он надоумил ее убить сразу двух зайцев – отца и мужа. Но нет, я выгораживать вас не стану!»

И он затараторил, захлебываясь и сбиваясь на каждом слове:

– Простите меня, Роман Владимирович, не губите зря. Я виноват перед вами, да, но главная вина не на мне. Меня заставили! Это все Надя, Надежда... она. Она и... этот Юрий Крымов. Я лишь передал им препарат, я даже толком и не знал, для чего он им, я думал... думал, что они хотят отравить... хотят отравить... кого-то другого, не вас, разве я бы посмел... если б знал... если б знал, кого они собираются... вот...

Павловский остановился перед зятем. Так вот оно что! Все же это дочь его отравила. В груди у старик похолодело и он произнес следующие слова не очень уверенно.

– Не оправдывайся! И не лги! Мне все ведомо – ты отлично знал, против кого замышляется подлое убийство. И ты лжешь – Крымов не пойдет на такое дело. С какой стати! Ты, верно, считаешь, что я уже выжил из ума? А вот насчет Нади... это возможно, в это я могу поверить. Но это ещё нужно проверить.

И он вызвал Алексея Борна нажатием специальной кнопки вызова охраны.

– Доставь сюда Надежду. Да поживей!

Алексей молча козырнул и, оставив одного мордворота за порогом комнаты пыток, пошел добывать дочь своего хозяина. И пока его не было, Том униженно ползал у ног своего тестя, вымаливая прощение, валя все на свою жену, – тесть милостиво снял его с крюка.

«Эх, Надя, Надюха, Надежда! – сокрушался про себя Роман Владимирович, – Что ты наделала! Неужели жажда власти может заслонить все? Все, что я для тебя сделал. Или и ты оказалась орудием в чьих-то руках? Но в чьих? Нет, Крымов не пойдет на такое дело, и, во всяком случае, он не пойдет на сговор с тобой, уж я это знаю. Но кто же тогда? Или никого нет, и ты пошла на убийство собственного отца по своей инициативе? Зачем? Разве мало было богатства и власти у тебя? Понимаю, ты спешила утвердиться законно на престоле компании. Тебя не устраивало, что ты правила от моего имени. Но, рано или поздно я бы умер – не Кошей же я Бессмертный! Неужели нельзя было потерпеть! Да, я бывал несправедлив к тебе, иногда. Бывало всякое... но я никогда не забывал, что ты – моя дочь, моя кровиночка! Как ты-то могла забыть, забыть, что я тебя породил?»

То ли старость, то ли приближение смерти так подействовали на старика – взгляд его затуманился, и он почувствовал на щеках горячие дорожки от слез. Роман Владимирович спохватился, сконфуженно отер лицо и, вздохнув, выпрямился. Он вернулся на свое место во главе стола с орудиями пыток, бормоча:

– Но, ты сделала то, что сделала, и теперь не обессудь. Вы со своим муженьком очень пожалеете о совершенной глупости.

Том продолжал скулить, ползая по полу, а Павловский стал обдумывать дальнейшие действия. Первым делом переписать завещание. Сделать это нужно немедленно.

Он по мобильному телефону распорядился разыскать душеприказчика, в присутствии которого должен уничтожить старое и составить новое завещание. Роман Владимирович задумался над содержанием будущего документа.

«Кому завещать компанию, кому передать контрольный пакет акций?» – эта мысль занимала теперь старика. Он еще не придумал достойной кары для дочери и зятя, но ясно, что ей уже не быть наследницей. Пусть скажет спасибо, что останется в живых, зять – тот уже мысленно приговорен к «вышке». Ребята Алексея Борна без колебаний утопят в канализации дворца любого по его приказу. И спустят труп в океан. Да, это так, в этом старик не сомневается. Он еще имеет власть над ними, да и денег он на это дело не пожалеет. Никто и не узнает,

куда делся бывший выпускник медицинского колледжа. А если и пронюхают что-то эти вездесущие журналисты, так ведь обреченному старику все равно – он скоро умрет. «Не бери на душу грех», – сказал Демидов. Разве мстить за себя грех?

Павловский вздохнул. Ладно, он еще подумает, что делать с зятем и дочерью. В конце концов, он имеет полное право сделать их нищими. И он так и поступит. Наверное, нельзя придумать кары жесточе – после всего, что они имели, что их ожидало в близком будущем, оставить без наследства. Но, кому же передать компанию? Да, он не забыл о внуках. Но они еще несмышлениши. И пока они вырастут, нужен будет кто-то, кто будет заботиться о процветании компании. Кто? Самая подходящая кандидатура – это Кантемир Шейхов.

Конечно, Шейхов достойный кандидат. Но где гарантия, что этот своенравный и умный человек не приберет к рукам все достояние после смерти Павловского? Кто сможет противостоять ему? Малые детки? У Нади теперь не будет никаких прав, самое большее, что ей светит – это мизерная пожизненная пенсия.

Роман Владимирович крякнул, брезгливо отпихнул ногой наседавшего Тома, и уселся поудобнее на грубой скамье. «Сейчас кстати был бы кто-нибудь из родственников», – подумал он, и ему вспомнились последние слова умирающего отца.

«Роман, разыщи свою мать, – сказал он тогда, – Она была беременной, когда мы с тобой покидали Россию. Ты обязательно должен отыскать брата или сестру, если уж матери нет в живых».

«Нет, может рано еще ставить крест на Павловских, – подумал старик, – Нужно связаться с Бестужевым». И он начал набирать нужный номер на мобильном телефоне.

– Я сейчас в Казахстане, – сообщил Бестужев, – Это одна из бывших колоний России. По моим данным, ваш брат приехал сюда по комсомольской путевке. Здесь он женился и у него родился сын. Правда, он в архивных документах значится под другой фамилией. Он тут Павлов. Видимо, ваша матушка поменяла фамилию после вашего отъезда по вполне понятным причинам. Но я уверен, что это ваш брат. Пока что известно только это. И я надеюсь не сегодня-завтра разыскать вашего брата или племянника.

– Молодец! – не удержался от похвалы Роман Владимирович, – Спасибо! Обрадовал старика. И знай, – я утраиваю награду. Только нужно, чтобы не далее, чем через две недели мой брат и племянник были доставлены сюда. У меня нет времени, так что поторопись. Понятно?

– Понятно! – ответил с готовностью Анатолий Васильевич. А сам подумал: «Ничего себе! Две недели! О чем он думает?»

– Это все, – сказал правитель и, отключив сотку, положил на стол перед собой. Он довольно потер руки. Значит, брат выжил. Более того, у него есть сын. Значит, династия Павловских продолжится. Теперь нужно так переписать завещание, чтобы все, чем он владеет, перешло брату и его сыну.

К тому времени, когда доложили о прибытии дочери, Роман Владимирович уже набросал в уме текст нового завещания.

12

В жизни наступает переломный момент, который требует от человека сделать выбор, решить, какой избрать путь. Кто прошел через это, знает, как нелегко дается такой выбор. В отличие от героя сказки, который из трех возможных путей выбирает самый гибельный, как обещает надпись на камне у развилки дорог, но этот путь почему-то приводит к триумфу, в реальной жизни выбор приходится делать между путями, одинаково приводящим к существенным потерям. Перед таким выбором оказался и Бекхан Кадиев после разговора с женой и дочерью. Хоть сын и промолчал, Бекхан не чувствовал поддержки с его стороны.

Бекхан перешел в спальню, но спать он в эту ночь не смог. Мысли, беспрестанно сменяясь, не давали отойти ко сну. Нахлынули воспоминания о годах детства. Бекхан всегда помнил слова родителей о чести, достоинстве, порядочности, о доброте и милосердии; об уважении к людям, о необходимости жить своим трудом. Он думал: «Отец, неужели ты не был прав, и я зря мучаю себя и своих домашних, тщетно пытаюсь обеспечить их, оставаясь при этом честным и порядочным?»

Родители рассказывали, как трудно они жили, особенно до его рождения; растили восьмерых детей, работая от зари до зари ради трудодней, на которые жили впроголодь. Только ко второй половине шестидесятых жизнь их более-менее наладилась. Отец был способным специалистом, но из-за своей принципиальности так и не вырос выше главного бухгалтера совхоза. Бекхан очень уважал своих родителей, хотя их отношения нельзя было назвать идиллическими. Всякое бывало, но он до сих пор руководствовался примером отца и матери – честных тружеников, не укравших и копейки, ни у людей, ни у государства, не совершивших ни одного бесчестного поступка, ни разу не уронивших своего достоинства ни перед кем.

Теперь, и Майра, и Зайра пытались внушить ему, что его родители не были правы. И окружающая действительность подтверждала их слова. Конечно, Майра по-своему права, жестко, даже жестоко ставя ультиматум перед ним. Ее мало интересует, каким образом он будет действовать, для нее важен конечный результат. Она-то не мучает себя подобными размышлениями, она давно решила для себя, что честные люди – просто дураки. Она требовала, чтобы Бекхан занялся каким-нибудь делом – бизнесом или коммерцией. Но Бекхан не понаслышке знал, что творится в тех сферах, где крутятся большие деньги.

Еще по приезду в город он пробовал себя в коммерции, но потерпел фиаско. А все потому, что не захотел гнаться перед сомнительными субъектами, паразитирующими на «крышевании», наживающимися на посредничестве. Ему еще повезло, он легко отделался – просто обанкротился, весь товар и капитал пошли на уплату неустоек и штрафных процентов. Теперь он знал, что дорога в те сферы ему заказана. Ситуация за эти годы изменилась, все ниши заняты, а у него нет ни денег, ни связей, чтобы кого-то потеснить.

Что ему остается? Сделать какую-нибудь карьеру. Но как? У него нет образования, нет диплома, нет поддержки. Впервые Бекхан пожалел о своем отказе после армии поступить в вуз, в который предлагал определить по благу его зять. Да, тогда ему это не было нужно, тогда он решил посвятить свою жизнь сельскому хозяйству, земледелию, механизаторству. Знал бы он тогда, что наступят времена, и земледелец не сможет прокормить семью!

Но что же придумать? Как решить эту сверхзадачу? Опять перед его мысленным взором возникло злое и решительное лицо Майры, в ушах раздались ее угрожающие слова. Бекхан знал, что если она на что-нибудь решается, то идет до конца.

Несмотря на разочарование в жене и детях, Бекхан не допускал и мысли о разводе. Он злился, возмущался про себя тем, что они посмели поставить его в такое положение, в приступе отчаяния и обиды порывался покинуть дом и уйти, куда глаза глядят. Но он понимал, что это несерьезно, что это недостойно мужчины.

Наконец, где-то под утро, он пришел к выводу, что нужно еще раз поговорить с Майрой, убедить ее. Сказать, что она требует от него невозможного, сказать, что бесчеловечно так поступать с ним. Эта мысль немного успокоила, и он заснул.

Ему показалось, что он только на миг смежил веки, когда Майра растолкала его. Недовольно взглянув на нее, он натолкнулся на ее хмурый взгляд.

– Вставай, уже восемь, – холодно бросила она.

Бекхан хотел отмахнуться от нее, но вспомнил о своем решении и примирительно улыбнулся. Майра не изменила выражения лица. Бекхан сел и взялся за ее руку, но она отстранилась.

– Майра, не сердись, – попросил он, – Сядь и выслушай меня. Нам нужно серьезно поговорить.

– О чем? Я сыта по горло твоими разговорами, не хочу слышать больше ни слова. Все, что было нужно, я сказала вчера. Чего переливать из пустого в порожнее?

– Но ты все же выслушай меня. Я всю ночь не спал, все думал. Ты не должна так со мной поступать. Это жестоко.

– Жизнь такая стала.

– Жизнь может быть любой, но люди не должны ожесточаться. Давай останемся людьми, знаю, это трудно, но мы ведь муж и жена и не должны бросать друг друга в трудную минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.